

ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

В. В. Е Г М А Н

Ю. Ц И Р К У Н О В

СИБИРСКАЯ КРАСНАЯ
ГВАРДИЯ И ОТРЯД
ПЕТРА СУХОВА

П А Р Т И З Д А Т

Западно Сибирское Краевое отделение
Н О В О С И Б И Р С К

1 9 3 4

Предисловие

Сибирь вступила в пятнадцатую годовщину своего освобождения от колчаковской власти. Пятнадцать лет прошло с тех пор, как рабоче-крестьянские массы Сибири, организованные и руководимые большевистской партией, вступили в отчаянную решительную борьбу с колчаковцами и интервентами. Эта борьба была длительная, и закончилась полнейшим поражением буржуазной диктатуры и восстановлением власти советов, диктатуры пролетариата.

Необходимо напомнить участникам гражданской войны в Сибири и познакомить подрастающее поколение с той героической борьбой, которую большевики, рабочие и крестьяне вели в Сибири в 1918-1919 гг., с теми подвигами, которые они совершали в те годы, подвергаясь всевозможным лишениям и находясь под вечной угрозой быть захваченными, изувеченными и расстрелянными или же убитыми в открытом бою.

Во исполнение этой задачи истпартотдел Запсибкрайкома ВКП(б) приступил к изданию ряда популярных брошюр по истории революции и гражданской войны в Сибири. Первый шаг в этом направлении делаем выпуском настоящей брошюры, которая посвящена сибирской Красной гвардии.

Должны отметить, что обе статьи, включенные в настоящую брошюру, уже раз были напечатаны: статья В. Вегмана в журнале «Просвещение Сибири» № 11 за 1931 г., а статья Ю. Циркунова — в журнале «Сибирские Огни» № 7-8 за 1931 г. Сейчас эти статьи печатаются в переработанном и значительно дополненном виде.

Приступив к изданию намеченной серии брошюр, истпартотдел ощущает большой недостаток в материалах, необходимых для полного и всестороннего освещения того или иного факта, события, подвига. Обращаемся поэтому ко всем участникам гражданской войны с просьбой ускорить присылку в истпартотдел своих материалов, документов и воспоминаний. Многие из этих воспоминаний, несомненно, будут опубликованы на страницах издающихся у нас журналов или же будут включены в сборники, которые мы готовим к печати.

Истпартотдел Запсибкрайкома ВКП(б)

Красногвардейский отряд Петра Сухова.

Сибирская Красная гвардия

(Краткий очерк)

В 1918 г. Красная гвардия была единственной военной опорой советов. Красная гвардия постепенно теряла свое значение, она переставала играть роль по мере того, как Красная армия крепла и превращалась в организованную, дисциплинированную и действительно социалистическую боевую силу. А когда это случилось, то красногвардейские отряды перестали существовать, влившись — по крайней мере большинство из них — в Красную армию. Что такое слияние неминуемо должно было наступить, предвидел и II всесибирский съезд советов, заседавший в Иркутске в феврале 1918 г. Один из пунктов утвержденного им «проекта организации Красной армии и Красной гвардии в Сибири» гласит: «В момент боевых операций обученные отряды Красной гвардии вливаются в боевые отряды Красной социалистической армии и несут все военные обязанности наравне с солдатами¹ Красной социалистической армии».

До такого слияния, однако, в Сибири дело фактически не дошло, ибо к весне 1918 г., ко времени чехо-словацкого мятежа и связанных с ним эсеров-белогвардейских восстаний, т. е. к моменту, когда контрреволюция начала в Сибири свертывать советы, красноармейские части в Сибири не представляли еще вполне надежной и опорной боевой силы. В Сибири к тому времени даже не было окончательно завершена организация Красной армии. Имевшиеся в городах красноармейские части — пехота, кавалерия и артиллерия — не были еще достаточно обучены и должным образом дисциплинированы. Да и состав этих частей оставлял желать много лучшего. В красноармейские ряды проникли люди чуждые и даже враждебно настроенные по отношению к советской власти. Особенно ненадежен был командный состав, который большею частью состоял из бывших военных, а среди них, как потом оказалось, были ставленники и агенты белогвардейских организаций. Имелись, конечно, такие командиры из бывших военных, которые уже тогда служили соввласти за совесть, но они насчитывались единицами².

¹ В Сибири слово «красноармеец» в то время не вошло еще в употребление.

² Для примера укажем на генерала, барона Александра Алексеевича Таубе. В царское время Таубе занимал ответственную должность в штабе Омского военного округа. Октябрьская революция произвела совершен-

В общем и целом к весне 1918 г. красноармейские части в Сибири не стояли еще на такой высоте, чтобы могли вполне заменить красногвардейские части. И поэтому с октябрьских дней, вплоть до захвата Сибири интервентами и контрреволюцией, Красная гвардия была, по существу, единственной военной опорой советов. Именно красногвардейцы, главным образом, вынесли в 1918 г. на своих плечах всю тяжесть вооруженной борьбы с многочисленными разнохарактерными врагами Октября и советской власти.

Красногвардейские отряды начали организовываться в Сибири задолго до Октябрьской революции. Так, например, уже в апреле 1917 г. горнорабочие Судженских копей сформировали, по инициативе большевистской организации, рабочие дружины для охраны порядка на копах. Но это было единичное явление. Вскоре, однако, Сибирь приступила к организации красногвардейских отрядов в более широких размерах. Застрельщиками в этом деле были большевики Красноярска и Омска.

22 апреля 1917 г. состоялось в Красноярске совещание большевиков, входящих в состав так называемой правдистской группы. Это совещание вынесло резолюцию, в которой говорилось:

«Для решительного ограждения уже завоеванных народом прав от нападения контрреволюции, а также для его дальнейших завоеваний, очередной и важнейшей задачей советов является всеобщее вооружение народа и, в частности, немедленное создание рабочей Красной гвардии».

Во исполнение этого постановления красноярские большевики-правдисты и занялись организацией отрядов Красной гвардии¹.

Почти одновременно с красноярцами, а именно в первых числах мая, и омские большевики подняли на общегородском со-

нейший переворот в образе мыслей этого старого царского генерала: Таубе искренно воспринял идеи Октября и решил свои силы и военные знания отдать пролетариату, борющемуся за утверждение и укрепление совласти в Сибири. Центросибирь, как тогда называлась высшая советская власть в Сибири, назначила Таубе начальником штаба только-что нарождавшейся сибирской Красной армии и поручила ему руководство борьбой по ликвидации многочисленных белогвардейских фронтов (Семенова, Скипетрова, Сотникова и др.), образовавшихся в то время в восточной части Сибири. На семеновском фронте чехо-словакам удалось захватить Таубе в плен. Чешский генерал Гайда предложил Таубе отказаться от своих «социалистических бредней» и вновь вступить в белую армию, чтобы смыть свой позор и спасти честь царского военного мундира. Таубе решительно отверг это предложение, заявив: «Мои седины и контуженные ноги не позволяют мне идти на склоне моих лет в лагерь интервентов и врагов трудящейся России». Таубе заключили в иркутскую тюрьму. В феврале 1919 г. Таубе заковали в кандалы и привезли в Екатеринбург, где чешский военно-полевой суд приговорил его к расстрелу. Принимая во внимание старческие годы Таубе, суд решил смертную казнь заменить каторгой. Таубе посадили в екатеринбургскую тюрьму, где он в апреле 1919 г. захворал сыпным тифом и умер.

¹ «Правдистами» в Сибири называли ту группу последовательных большевиков, которая в Красноярске была объединена вокруг газеты «Сибирская правда». Эта газета была органом районного бюро Центрального комитета нашей партии и издавалась в 1917-18 гг. в Красноярске. В состав этой группы входили Борис Шумяцкий, Алексей Рогов, Валентин Яковлев, Илья Белопольский, Яков Боград, Джоров и др.

брании, тогда еще объединенной (т. е. состоявшей из большевиков и меньшевиков) организации РСДРП вопрос об организации Красной гвардии. Встретив сочувствие среди рабочих, омские большевики и приступили к формированию красногвардейских отрядов, деятельным организатором и неумолимым руководителем которых был Лобков, впоследствии замученный колчаковцами.

Примеру большевиков Красноярска и Омска вскоре последовали большевики других сибирских городов.

Формирование красногвардейских отрядов было, понятно, встречено крайне недружелюбно со стороны буржуазных и мелкобуржуазных партий, которые не могли не заметить, что формированием красногвардейских отрядов большевики готовят себе армию для углубления революции и захвата власти. Особенно возмущались эсеры и меньшевики. Так, например, омские меньшевики, присутствовавшие на том заседании, на котором обсуждалось большевистское предложение об организации Красной гвардии, называли это предложение «ленинско-бланкистским», ведущим к «анархии».

Организовавшиеся в ту пору отряды Красной гвардии проявляли, однако, слабые признаки жизни. Оживление вызвал корниловский мятеж. Узнав, что Корнилов с армией движется на Петроград, зашевелилась белопогонная военщина во всех городах Сибири. В Томске, например, где военщина уже в ту пору имела свою тайную организацию, атмосфера была до крайности накалена. И если бы по улицам города своевременно не начали расхаживать красногвардейские патрули, то военщина, несомненно, приступила бы к избиению большевиков и разгрому их учреждений.

Корниловский мятеж заставил насторожиться не только всех большевиков, но и всех рабочих Сибири. Всем очевидно стало, что революция в опасности. Все поняли, что надо решительно заняться подготовкой мощной боевой силы, которая была бы в состоянии отражать вооруженные выступления контрреволюции и могла бы быть опорой большевикам в их борьбе за власть советов. А что эта борьба разгорается и что решительный момент не за горами, — это чувствовали все. И поэтому большевики лихорадочно принялись за формирование в городах и промышленных центрах красногвардейских отрядов.

Так, например, уже в начале сентября на Черемховских копях в красногвардейские батальоны, которых было девять — по количеству шахт — записались, как уверяют, до 10000 черемховских шахтеров. Это число несомненно несколько преувеличивает действительную численность красногвардейцев, но оно во всяком случае дает достаточное представление о тогдашнем революционно-боевом настроении горняков.

К ноябрю имелись отряды Красной гвардии уже во всех горняцких районах, и, конечно, во всех городах.

Численность красногвардейцев в каждом отряде была весьма различна и колебалась от 200 до 2-3 тысяч, в зависимости от количества рабочего населения того или иного города, того или иного промышленного пункта.

Красногвардейцы того периода были сравнительно слабо вооружены: обычно — берданками, в редких случаях — ручными бомбами. Впрочем, даже берданок нехватало для всех красногвардейцев. Систематического и регулярного обучения военному делу не было. Изредка, и то не повсеместно, устраивались сборы. Сами красногвардейцы были разбиты на «пятки». Сзывались они по тревожному фабричному или заводскому гудку, а на железнодорожных станциях — по тревожным свисткам паровозов.

Хотя красногвардейцы по своему вооружению и по своей боевой подготовленности не представляли еще тогда грозной военной силы, но они во всяком случае внушали буржуазии и ее подголоскам страх и трепет своим революционным порывом, своей готовностью постоять за большевистскую идею, за диктатуру пролетариата.

Вооруженное состояние и общее положение красногвардейских отрядов значительно изменилось к лучшему сейчас после Октября. Во-первых, появилось оружие. В городах, да и на копиях уже можно было встречать красногвардейцев, вооруженных не только старыми берданками на веревочной привязи, но и винтовками новейшей системы.

Во-вторых, красногвардейцы были разделены на отряды, с которыми велись регулярные занятия. Кое-где образовались красногвардейские пулеметные команды, даже артиллерийские. Имелись команды связи и разведчиков. Образованы были красногвардейские штабы. Каждый отряд подчинялся комиссару. В отряды была также введена дисциплина.

Вскоре 3-й западно-сибирский съезд советов, заседавший в Омске от 15 до 23 декабря 1917 г., выработал единый устав Красной гвардии, согласно которому роль Красной гвардии заключается в борьбе с контрреволюцией, в защите завоеваний революции, в поддержке порядка и спокойствия и в охране общественной, личной и имущественной безопасности.

Устав категорически заявляет, что «всякие аресты, обыски, выемки, реквизиции и прочие меры охраны и пресечения преступности могут быть производимы Красной гвардией только по предписанию местного исполнительного комитета».

«При выступлениях (имеется в виду контрреволюционных) каждый гвардеец и комиссар боевой единицы гвардии беспрекословно, быстро и немедленно исполняет приказы комиссара гвардии, его помощника и члена штаба».

«Помощники комиссара гвардии, отделения, взвода и отряда, — гласит особый пункт устава, — избираются соответствующей частью из рядов «красногвардейцев».

Согласно уставу, набор красногвардейцев производится штабом отряда. Штабу же устав предоставил право увольнять из отряда неспособных и негодных красногвардейцев, а равно таких, которые будут уличены в каком-нибудь неблагоприятном поступке.

Этот устав, как примерный, начал широко применяться на всей территории тогдашнего Западно-сибирского края и даже за его пределами. Некоторые отряды при обсуждении устава до-

«полняли его кое-какими пунктами местного значения, не изменяя, однако, основную сущность устава.

Впоследствии (в феврале 1918 г.) второй всесибирский съезд советов разработал более подробный устав Красной гвардии. Согласно этому уставу, в ряды Красной гвардии принимались «все рабочие и работницы не менее 18-летнего возраста». Этот устав предусматривал также организацию сельского населения в красногвардейские деревенские отряды «для защиты революционных завоеваний деревенской бедноты, для защиты советской власти в деревнях, в станицах и других поселениях и для охраны революционного порядка», при чем в эти отряды не допускались «деревенские кулаки, мироеды, торгаши, попы и другие контрреволюционные элементы деревни».

Красная гвардия, как видим, начала строиться широко: в городах, на коях, в деревнях.

Рабочие красногвардейские отряды организовывались по двум направлениям: по производствам — так обстояло дело на шахтах и рудниках, и по профсоюзам — так, например, были отряды железнодорожников-красногвардейцев, строителей-красногвардейцев, пимокатов-красногвардейцев и т. д.

Мы уже отметили, что организатором красногвардейских отрядов была большевистская партия. И поэтому красногвардейские отряды, повсюду организованные при советах, фактически считали себя неразрывно связанными с партией. Анжерская Красная гвардия, например, ввела даже в свой устав такие пункты: «красногвардейцы есть защитники своей партии», «оружие красногвардейцам выдается для проведения в жизнь идей партии».

И поэтому вполне понятно, если в состав красногвардейских штабов, особенно губернских, помимо руководителей советских и профсоюзных организаций, входили и председатели комитетов партии. Отсюда нельзя, однако, сделать тот вывод, что все члены штаба в действительности занимались организацией и формированием красногвардейских частей, наблюдением за их обучением, руководством их боевыми действиями и т. д. Попадались и такие единичные лица, как, например, председатель партийного комитета З. Лобков в Омске или председатель губсовета В. Устинович в Барнауле, которые были тесно связаны с Красной гвардией, занимались ее организацией, руководили ею и даже сами находились на положении красногвардейцев¹.

¹ Пользуемся случаем, чтобы исправить досадную неточность, вкрадшуюся во втором томе «Советской сибирской энциклопедии», в статье «Красная гвардия». В этой статье (стр. 1024) говорится, что «во главе частей Красной гвардии Алтайской губ. стояли Цаплин, Присягин, Казаков, Двойных, сумевшие в течение двух недель задержать наступление противника (Барнаул был занят 15 июня)».

Прежде всего отметим, что Двойных действительно возглавлял Красную гвардию, но только города Бийска и к организации обороны Барнаула никакого отношения не имел. Что касается Цаплина, Присягина и Казакова, стоявших тогда в Барнауле во главе партийной, советской и профсоюзной организаций, то они, правда, выступали перед красногвардейцами с докладами и вдохновляли их к борьбе, но не занимались организацией Красной гвардии и не руководили ее боевыми действиями. Организацией и руководством Красной гвардии занимался и во главе ее стоял тогдашний председатель Алт. губ. сов. раб. и солд. депутатов Владимир Иванович

Вообще же организация Красной гвардии, формирование отрядов, их боевая подготовка и руководство боевыми действиями лежали на обязанности комиссаров и начальников красногвардейских отрядов. Эти начальники много потрудились над тем, чтобы создать из рабочих и крестьян боеспособные военные части. Вместе с отрядами шли они в бой. Стоит, хотя бы, вспомнить начальника новониколаевской Красной гвардии т. Гершовича. Многие начальники погибли в боях или замучены во вражеских тюрьмах. Следует выявить имена этих рядовых фактических строителей Красной гвардии.

Велики, многочисленны и разнообразны были обязанности, лежавшие на Красной гвардии и выполнявшиеся ею в тот период времени. Ей приходилось наблюдать за порядком, охранять государственное имущество, искоренять самогонщину, преследовать уголовных, давать острастку хулиганам, а анжерская Красная гвардия вела даже борьбу с многочисленными любителями азартных игр.

Все декреты, постановления и мероприятия советов проводились в жизнь при помощи и при содействии Красной гвардии.

Когда стало известно, что монархисты и иностранные агенты собираются «украсть» бывшего царя, т. е. незаметно или под каким-нибудь благовидным предлогом вывезти Николая Романова и его семью из Тобольска и сплавить их за границу, Омский совет немедленно отправил в Тобольск хорошо вооруженный отряд красногвардейцев, которому дал строгий наказ: ни в коем случае не допустить увоза бывшего царя и его семьи и убить их в случае, если такая попытка действительно будет предпринята. Чтобы предупредить этот побег, Уральский областной совет распорядился о переводе Николая с семьей в Екатеринбург, где они были казнены.

Особенно много хлопот доставили Красной гвардии кулацкие бунты, возникшие в связи с хлебозаготовительной кампанией, которая тогда проводилась для того, чтобы снабдить хлебом голодающих рабочих центральной России, особенно Петрограда и Москвы.

Приходилось Красной гвардии подавлять и белогвардейские восстания. Так подавили они вспыхнувшее 12 ноября 1917 г. в Омске восстание юнкеров, а с 21 по 29 декабря того же года подавляли они восстания офицеров и юнкеров в Иркутске. В подавлении этого восстания приняли участие, помимо иркутских, красногвардейские отряды Черемхово, Канска, Красноярска и других городов. Даже отдаленный Томск, узнав, что восстание принимает грозные размеры, послал в Иркутск отряд Красной гвардии с пулеметами и артиллерией. Решительность, стойкость

Устинович. К сожалению, в июне 1918 г., когда чехо-словаки и белогвардейцы наступали на Барнаул, Устинович был в отлучке. Командование Красной гвардии и руководство обороной Барнаула были предоставлены некоему Иванову (штабс-капитану), Царицыну и Шенну. Все три оказались неспособными организовать победу над белогвардейщиной. Как подлые трусы, удирали они в глубокий тыл, как только начинался бой. Лишь беспримерной решительностью, стойкостью, храбростью и смелостью самих красногвардейцев объясняется тот факт, что «удалось в течение двух недель задержать противника». Командиры же тут были не при чем.

и упорство, проявленные красногвардейцами в борьбе с иркутской белогвардейщиной, надолго отбили охоту у сибирских белогвардейцев подымать восстания.

Не лишним считаем отметить, что для усмирения бунтов и мятежей красногвардейские отряды перебрасывались не только из одного города в другой, но даже из конца в конец Сибири. Так, например, отряды черемховской Красной гвардии в марте 1918 г. подавляют кулацкое восстание в районе села Голуметы, барнаульские и новониколаевские отряды в марте того же года помогают каменским красногвардейцам ликвидировать белогвардейское восстание, в мае бийские красногвардейские отряды подавляют каракорумское восстание (в Ойротии), минусинский отряд был послан для ликвидации белогвардейского восстания в Белоцарске (теперь Кызыл, Тянну-Тувинской республики), один омский отряд был послан на усмирение кулацкого бунта в Усть-Каменогорск, а Иркутск послал отряд даже в Якутск, чтобы освободить этот город, попавший было в руки белогвардейцев.

Хлебозаготовительная кампания заставила ускорить организацию деревенских красногвардейских отрядов, чему особенно содействовали солдаты, вернувшиеся домой с фронта империалистической войны. На фронте подвергались они пропаганде со стороны большевиков-агитаторов, там начитались они газетами вроде «Окопная правда», и оттуда многие из них вернулись на родину ярыми сторонниками большевиков и ревностными поборниками советской власти, которую и начали насаждать в деревне. При их содействии бедняки организовались в красногвардейские отряды, которые начали проводить в деревне декреты соввласти, облагать контрибуцией мироедов и кулаков, национализировать их имущество, забирать и передавать по назначению хлебные излишки и т. д.

Таковы, например, отряд Плетнева в составе 75 красногвардейцев из крестьян села Шебалино (Алтай), небольшой отряд в 18 красногвардейцев крестьян села Заварзино (Томск) и др.

К сожалению, сибирские большевистские организации не обращали еще тогда должного внимания на деревню, вследствие чего советизация сибирской деревни не была проведена широко и основательно, а беднота не была достаточно организована. Этот промах имел своим последствием тот факт, что, когда вскоре на советы обрушились вооруженные чехо-словаки и белогвардейцы, беднота, за исключением единичных случаев, не смогла должным образом подняться на защиту советов.

В систему красногвардейских формирований входили в Сибири и так называемые интернациональные отряды, сформированные из военнопленных мадьяр, немцев и чехо-словаков¹.

¹ Заметить должны, что как только на территории Сибири появились чехо-словацкие интервенты, из интернациональных отрядов начали уходить чехо-словаки. Только единичные чехо-словаки, примкнувшие в Сибири к большевикам, продолжали оставаться в интернациональных отрядах. Группа таких чехо-словаков даже демонстративно послала 108 руб. в «железный фонд» газеты «Рабочее знамя», которая считалась большевистской и издавалась в Томске в июне-июле 1918 г., т. е. тогда, когда город находился уже в руках белых. За эту демонстрацию чехо-словаки-большевики были жестоко наказаны чехо-словаками-интервентами.

По численности преобладали в этих отрядах мадьяры: отчасти потому, что они были более революционно настроены, чем другие военнопленные, отчасти потому, что в Сибири их вообще было больше, чем немцев и чехов.

За малым исключением все интернационалисты были рабочие или сознательные батраки, у себя на родине прошедшие уже некоторую школу политической и экономической борьбы. В Сибири многие из них стали большевиками, а эти большевики вели за собой всю остальную массу, которая стояла за советскую власть, как говорится, за совесть, зная, что лишь укрепившаяся соввласть прекратит мировую войну и даст им возможность вернуться на родину.

Эти интернационалистские отряды были самой солидной и положительной военной опорой сибирских советов. Все военнопленные побывали, ведь, на войне и умели, поэтому, хорошо владеть всеми видами оружия. Проживая сплоченными массами в концентрационных лагерях, военнопленные быстро разбились на отряды по роду оружия и национальности и избрали себе командный состав. Интернационалисты были дисциплинированы по военному. Они беспрекословно выполняли приказы начальников и безупречно относились к исполнению возложенных на них обязанностей, будь то караульная служба, облава или выступление с оружием в руках против врагов соввласти.

А враги соввласти, между тем, не дремали. Они сорганизовались и ушли в подполье в ожидании удобного случая и благоприятного времени для выступления. Уже в начале весны начали беспокоить сибирские советы казачьи отряды Сотникова и есаула Семенова. Если с Сотниковым, орудовавшим в Енисейской губ., легко было справиться, так зато несколько труднее была борьба с Семеновым, орудовавшим в Забайкалье и имевшим в своем распоряжении сравнительно многочисленные и хорошо вооруженные казачьи части, которых Япония обильно снабжала боевыми припасами, продовольствием и обмундированием.

На восток Сибирь двинула большие военные силы как против Семенова, так и в качестве заслона против Японии, которая высадила во Владивостоке десант. В распоряжении С. Лазо и П. К. Голикова, командовавших тогда фронтом против Семенова, Западная Сибирь, по распоряжению Центросибири, выслала почти все свои военные части: красноармейские, успевшие уже к тому времени образоваться, и красногвардейские.

Лазо успешно теснил Семенова и наносил ему одно поражение за другим. После каждой неудачи Семенов уходил к китайской границе на отдых и пополнение. Оправившись немного, Семенов вновь начинал совершать набеги на советскую территорию.

Уже Лазо собрался было окончательно ликвидировать семеновские отряды, как двигавшиеся из Европейской России вооруженные чехо-словацкие эшелоны, по наущению Антанты и подкупленные ею, начали под руководством эсеров и меньшевиков свертывать советы в городах и на станциях вдоль магистрали железной дороги.

В Западной Сибири, как мы знаем, в то время находились незначительные военные силы. Этих сил, тем не менее, хватило на

то, чтобы 25 мая разгромить белогвардейское восстание в Томске и предупредить возникновение подобных же восстаний в других городах (Бийск, Барнаул). Этим сил хватило бы и на то, чтобы, объединившись, разгромить и чехо-словаков. Но дело в том, что чехо-словаки неожиданно и почти в один и тот же день напали на города Челябинск, Новониколаевск и Мариинск и свергли там советскую власть. Западно-сибирские города оказались, поэтому, совершенно разобщенными, а малочисленные красногвардейские отряды, вследствие перерыва железнодорожного движения, лишены были возможности объединиться, чтобы общими силами нанести сокрушительный удар чехо-словакам. Красногвардейские отряды оказались вынужденными действовать враздробь и порознь и успеха, конечно, иметь не могли, тем более что чехо-словаки были значительно лучше вооружены и значительно лучше дисциплинированы.

Томский совет имел намерение дать отпор чехо-словакам. Он послал даже один красногвардейский отряд на помощь Мариинскому совету и другой отряд на ст. Тайга, чтобы не дать чехо-словакам захватить ее. Однако, боевыми действиями эти отряды не отличились. Под Мариинском, правда, томские красногвардейцы несколько теснили чехо-словаков. На станции же Тайга красногвардейцы совершенно бездействовали.

Впоследствии выяснилось, что среди руководителей этих красногвардейских отрядов находились эсеры, скрывшие свою партийность. Они пробрались в красногвардейские отряды с той целью, чтобы расстроить их ряды и ослабить их боеспособность. Эти эсеры распространяли всевозможные лживые слухи о боевых успехах чехо-словаков и значительно преувеличивали их численность, чем внесли сумятицу в красногвардейские ряды. Заметим еще, что отряд, сформированный неким Александровым для защиты ст. Тайга, прибыл к месту назначения с такими пулеметами, которые не могли стрелять, так как они предварительно были испорчены, а красногвардейцам были розданы такие пули, которые не соответствовали калибру винтовок, имевшихся в их руках. За эту предательскую работу Александров, схваченный после свержения колчаковщины, был расстрелян.

Узнав, что чехо-словаки приближаются к Тайге, Томский совет на заре 31 мая эвакуировался на пароходах в Тюмень, увезя с собой находившиеся в городе интернациональные части.

Красногвардейские же отряды других городов более энергично пытались задержать наступление чехо-словаков. Так, например, омская Красная гвардия дала на станции Марьяновка большой бой чехо-словакам, но была разбита и отступила, после чего Омский совет, по примеру Томска, также эвакуировался (7 июня) на пароходах в Тюмень.

Интернациональные части, вывезенные из Томска и Омска, впоследствии храбро защищали от наступающих чехо-словаков и белогвардейцев подступы к Екатеринбург.

Благодаря успехам чехо-словаков, вышли из подполья эсеровские и белогвардейские военные организации, в состав которых входили офицеры, прапорщики, юнкера. Силы чехо-словаков значительно увеличились, и они повели наступление по всем

направлениям, встречая, однако, упорное сопротивление со стороны многих красногвардейских отрядов, несмотря на их малочисленность и слабое вооружение. Так, например, упорно сопротивлялись красногвардейские отряды нынешнего Кузбасса. Так, например, в течение двух недель красногвардейские отряды упорно защищали подступы к Барнаулу.

Гораздо более упорное сопротивление чехо-словаки и белогвардейцы встретили в восточной части Сибири, где были сконцентрированы значительные красногвардейские, интернациональные и красноармейские части, в свое время сконцентрированные там для борьбы с Семеновым. Бои с захватчиками Сибири здесь происходили длительные, жестокие, порой с переменным успехом. В течение двух с лишним месяцев оборонялись советские воинские части, защищая каждую пядь советской территории. Велики были их потери убитыми, ранеными и пленными. Наконец, начали они обессиливать в этой борьбе. На помощь, однако, никто не являлся, тогда как чехо-словаки и белогвардейцы все увеличивались в численности. И 28 августа на ст. Урульга, Забайкальской ж. д., собрались на конференцию представители красногвардейских и красноармейских отрядов и решили прекратить дальнейшую борьбу. Военные части были распущены. Каждому бойцу было оставлено его оружие.

Значительная часть красногвардейцев ушла в подполье. Эти красногвардейцы впоследствии принимали участие в тех вооруженных восстаниях, которые организовала сибирская подпольная большевистская организация для борьбы за восстановление соввласти в Сибири.

Многие красногвардейцы объединились в небольшие отряды и ушли в тайгу, где скрывались на заимках. Впоследствии они приняли активное участие в партизанском движении.

Многие же красногвардейцы попали в плен к белым.

Сурово расправлялись белогвардейцы и чехо-словаки с пленными красногвардейцами: кого расстреливали, кого истязали шомполами и затем бросали в тюрьму. Особенно сурово чехо-словаки расправлялись с интернационалистами. Они не щадили и чехо-словаков-интернационалистов, которых пристреливали и, в лучшем случае, жестоко избивали, как «предателей славянства» и «изменников делу чешского освобождения». Но с исключительной беспощадностью чехо-словаки истребляли немцев и мадьяр. Здесь, на территории Сибири, вооруженные представители чехо-словацкой буржуазии сводили национальные отчеты с немецкими и мадьярскими рабочими и крестьянами, вымещали на них свою злобу за то национальное угнетение и унижение, которым они, чехо-словаки, в течение нескольких веков подвергались со стороны немецких и венгерских феодалов, крепостников и капиталистов.

Пленные интернационалисты, случайно уцелевшие от расстрела, были брошены в тюрьмы, в которых они, наравне с арестованными красногвардейцами и красноармейцами, томилась до крушения колчаковщины и восстановления соввласти в Сибири.

Те же интернационалисты, которым все-таки удалось избе-

жать расстрела и ареста, также скрылись в тайгу. Впоследствии и они приняли участие в рабочих подпольных большевистских организациях или же сражались в партизанских отрядах.

В историю гражданской войны сибирская Красная гвардия занесла ряд ярких, красочных и поучительных страниц. Были отряды, которые поражали своими подвигами и изумляли всех своим героизмом. Укажем, хотя бы на красногвардейский отряд, который в памяти алтайских рабочих и крестьян сохранился под названием «Отряд Петра Сухова». В состав этого отряда входили кольчугинские, каменские, барнаульские и семипалатинские красногвардейцы-рабочие: шахтеры, железнодорожники, слесаря, пимокаты и др. До 2000 красногвардейцев насчитывал этот отряд, когда, он на станции Алейской, после захвата Барнаула белогвардейцами и чехо-словаками (15 июня 1918 г.), решил через Кулундинскую степь пробраться к Омску, предполагая, что в Омске советская власть. Руководителем отряда избрали Петра Федоровича Сухова, который своей энергичной обороной Барнаула обратил на себя внимание всех красногвардейцев.

Кто же такой Петр Федорович Сухов?

Петр Сухов — железнодорожник по профессии. Он был секретарем и членом Кольчугинского совдепа (Ленинский рудник). Сухов, имея от роду 31 год, вскоре после Февральской революции вступил в партию большевиков. Сухов сразу обратил на себя внимание, как незаурядный агитатор. Неоднократно выступал он на собраниях. Вместе с И. Матузовым принимал он деятельное участие в организации кольчугинской Красной гвардии, а после Октября был назначен начальником штаба Красной гвардии Кольчугинского совдепа.

Когда чехо-словаки подходили к Кольчугино, кемеровские, гурьевские и кольчугинские красногвардейцы объединились под командой Пихта, Шильникова и Сухова и вышли навстречу неприятелю, с которым имели ряд горячих схваток под станциями Арлюк и Топки, но разбить неприятеля не смогли: слишком малочисленны были красногвардейские силы, да и вооружены они были слишком плохо. Командовавший фронтом Шильников был убит в бою. Пришлось отступить. Но куда? В Кольчугино? На верную позорную гибель? Не таков Сухов. Пока есть силы и не носякла энергия, он хочет бороться с классовым врагом. У него есть уверенность, что соввласть не погибнет, — не может погибнуть. Он решает пойти в Барнаул, чтобы оттуда, вместе с барнаульцами, начать наступление на чехо-словацких мятежников и белогвардейцев. И вместе со своим отрядом в 200 красногвардейцев-шахтеров совершает он тяжелый переход через Салаирский хребет и подходит к Барнаулу в тот момент, когда белогвардейцы пытаются захватить этот город. Белогвардейцев разбили. Барнаул, однако, вскоре пришлось сдать.

Отступающая Красная гвардия решает пробиться через вражеское кольцо. Все сознают, что предстоит трудный путь. Нужен руководитель и таковым избирают Петра Сухова. Выбор был удачен.

Сухов обладал твердым характером, исключительной революционной решительностью и крепкой большевистской волей,

которыми ему удалось заразить, если не весь отряд, то, по крайней мере, значительную его часть. К этому выводу приходишь, когда знакомишься с историей этого отряда, его походом и его трагической гибелью.

В многочисленных боях противник наносил отряду большие потери. Отряд имел много убитых и раненых, но не падал духом. Кто физически ослабел, кто окончательно изнурился или истомился, тот безропотно отставал, попадая на расправу гнавшимся за отрядом белогвардейцам. Но кому только силы позволяли, тот продолжал путь, воодушевленный общим желанием выбраться на советскую территорию для того, чтобы оттуда повести наступление на врагов соввласти. Когда же последние остатки некогда многочисленного отряда попали в плен, ни у кого из красногвардейцев не пошевелинулся язык для того, чтобы просить пощады у своего классового врага. Все они с чисто большевистской гордостью решили пасть от рук палачей. И все они были расстреляны.

Впереди отряда шла пущенная белогвардейцами молва, что идут «бандиты», ограбившие в барнаульском банке золото и подвергающие на пути своем разгрому села и деревни. Крестьянское население призывалось властями к тому, чтобы не оказывать «бандитам» помощи, не давать им съестных припасов, а ловить и убивать их.

Попы, кулаки, сельская буржуазия организовали дружины для ловли и избиения «бандитов».

И, тем не менее, отряд без всяких столкновений проходил мимо сел и деревень, реквизируя у населения лошадей, подводы, продовольствие.

Как это могло случиться?

Объясняется это очень просто.

Как только отряд вступал в деревню, Сухов созывал сельский сход и обращался к крестьянам с речью. Он знакомил их с политическим положением страны, с тем, что преследуют и к чему стремятся чехо-словаки и белогвардейцы, с задачами, которые ставит себе соввласть, с идеями большевизма.

Умея говорить языком, понятным для крестьян, Сухов быстро завоевывал симпатию крестьянской бедноты. После получасовой беседы беднота указывала богачей и кулаков, у которых отряд забирал нужных для продолжения пути лошадей, а также подводы и продовольствие. Бедноте же отряд всегда оказывал помощь. Уставшие лошади, реквизированные в предыдущей деревне, раздавались беднякам, неимущим. Отряд раздавал беднякам свои ненужные лишние вещи. Особенно бедные крестьяне снабжались мукой, семенами, коровами, которые реквизировались у богачей.

Агитация Сухова не прошла бесследно. Многие распропагандированные им бедняки впоследствии принимали участие в вооруженных восстаниях и в партизанском движении, активно боролись за восстановление соввласти в Сибири.

И поэтому вслед за молвой о «бандитах» вдогонку отряда шла другая молва, что продвигающийся отряд состоит не из

бандитов, а из большевиков, которые борются за рабочее дело, за интересы крестьянской бедноты.

Эта вторая молва, к сожалению, прибыла в Тюнгур с большим запозданием, прибыла тогда, когда отряд был уже расстрелян.

Отряд Петра Сухова не единственный красногвардейский отряд, проявивший в Сибири в 1918 г. столь исключительный героизм в борьбе за совласть и столь изумительную преданность большевистской идее. Таких отрядов было много.

Материал о каждом таком отряде должен быть собран. История всех этих отрядов должна быть написана.

Пусть знает подрастающее поколение, сколь героической была борьба за утверждение и укрепление совласти в Сибири, борьба, которую руководила ленинская большевистская партия.

Красногвардейский отряд Петра Сухова

1. По призыву партии

Чехо-словацкий мятеж застал барнаульский пролетариат, как и пролетариат других городов Сибири, врасплох. О том, что в ночь с 25 на 26 мая 1918 г. Новониколаевск захвачен белыми, барнаульские рабочие узнали от машиниста, прибывшего с пассажирским поездом. Сообщению машиниста штаб Красной гвардии не придал никакого значения: «Мало ли, мол, какие брехни сейчас распространяются контрреволюцией». И только на следующий день утром штаб отправил на разведку паровоз с 10 красногвардейцами. Не встретив на своем пути ничего подозрительного, разведка лишь в 8 верстах от Новониколаевска, на раз'езде Иня, узнала о свержении совета в Новониколаевске.

Паровоз помчался обратно в Барнаул.

Узнав о случившемся, штаб начал принимать меры. Заревели гудки паровозов на станции и в главных железнодорожных мастерских. Бурным потоком начали стекаться рабочие к Народному дому.

Уже зал был набит до отказа, а по пыльным улицам города все еще двигались рабочие к сборному пункту. Но вот шум в зале смолк, и на трибуне появился И. Б. Присягин, руководитель барнаульской большевистской организации. Присягин пользовался большой популярностью среди барнаульских рабочих. Недолга была его речь. Он сделал краткую информацию о событиях в Новониколаевске и обратился с призывом к рабочим выступить на борьбу с контрреволюцией.

«Товарищи, — сказал он, — всего только месяц с лишним тому назад отряд из наших товарищей под командой Петра Тиунова отправился на дальневосточный фронт против врага трудящихся есаула Семенова. Но гидра контрреволюции не дремлет и начинает поднимать голову и в наших местах. В ночь с 25 на 26 мая в Новониколаевске чехо-словаками и золотопогонной сворой совершен переворот. Работники совета рабочих и солдатских депутатов арестованы и брошены в тюрьмы, где снова хлещет кнут, льется кровь рабочего, совершаются зверские казни и расстрелы».

Рабочие, угрюмо нахмурившись, с замиранием сердца слушали оратора.

«Но это не все, — продолжал Присягин, — в городе снова

установился царский режим: запрещены собрания, митинги, закрыты рабочие газеты... Предатели рабочего класса и изменники революции, меньшевики и эсеры, с хлебом и солью встречают «освободителей» — чехов. Товарищи! Может ли пролетариат спокойно отнестись к этому событию и оставить безнаказанным тех, кто с оружием в руках имел дерзость выступить против власти советов? Захочет ли пролетариат сложить оружие и отдать без боя контрреволюции октябрьские завоевания рабочего класса? Я кончил... Прошу высказаться».

Петр Федорович Сухов.

Тишина, царившая в зале, нарушилась неистовыми и него-
дующими криками рабочих.

— Как? Снова идти в кабалу? Молчать и ломать шапку пе-
ред кучкой белогвардейцев?

— Нет, не бывать этому! Уж если на то пошло — выступим,
как один.

— Не дадим торжествовать нашим врагам!

«А если так, — сказал Присягин, — то к оружию, товарищи,
и завтра же мы открываем фронт против чехов и белобанди-
тов».

2. Организация сил для отпора

Город Барнаул был в то время довольно большим административно-торговым центром Алтайской губернии и насчитывал свыше 60000 душ населения. Однако, в Барнауле не было тогда крупных фабрично-заводских предприятий, что сказалось и на численности пролетарских вооруженных сил. К моменту чехо-словацкого переворота в Барнауле имелась лишь рота мадьяр-интернационалистов в 200 штыков и несколько мелких плохо вооруженных и слабо дисциплинированных отрядов Красной гвардии, численностью около 500 человек.

С такими слабыми силами нельзя было, конечно, рассчитывать, что удастся разбить врага, который превосходил барнаульцев по численности, был лучше вооружен и опытнее в боевых действиях. Но решимость барнаульского революционного пролетариата была безгранична. Барнаульцы намеревались грудью встретить врага, отстоять Барнаул, освободить Новониколаевск и разбить контрреволюционную свору мятежников: эсеров, меньшевиков, офицерье и чехо-словаков.

Началась лихорадочная работа по формированию и вооружению новых красногвардейских отрядов, а пока-что для освобождения Новониколаевска были посланы: отряд в 160 красногвардейцев-железнодорожников под командой чернорабочего Гаськова и рота мадьяр в 200 штыков под командой П. Р. Семенихина.

Вместе с тем алтайский губернский исполнительный комитет советов от имени совета крестьянских депутатов выпустил к бывшим солдатам-фронтовикам следующее воззвание:

«Товарищи крестьяне!»

Наш долг известить вас, что наши враги: помещики, фабриканты, купцы, капиталисты, саботажное офицерство, чиновничество и все, кто идет против трудового народа, блюдолизы Николая Второго, — хотят нас, крестьян и рабочих, погубить, хотят нас обратно подчинить старому николаевскому режиму и хотят нас обратно сделать безответной машиной и орудием для ихних дворцов, палат и капиталов и снова хотят сосать нашу мужицкую кровь.

Товарищи — крестьяне и бывшие солдаты! Неужели мы до этого допустим, чтобы мы, свободное крестьянство, опять попали служить преступно предательской буржуазии, которая давила крестьянство веками, держала во тьме и пользовала нас на войнах, империалистических, для защиты ихнего блага и роскоши.

Товарищи солдаты! Не забывайте старое время, когда нами играла буржуазия словно игрушкой, не забывайте, как наши враги — капиталисты, офицерство — нас морили голодом и холодом, ссылали по тюрьмам, гноили под винтовкой, выбивали зубы за неотдание чести и поворачивали нас миллионами, как бездушной машиной.

Товарищи солдаты! Пусть не дрогнет мужицкая рука, надо стать под красное знамя свободы вместе с братьями рабочими и с оружием в руках защищать свое гражданское право, надо дать отпор нашему общему вековечному врагу буржуазии, контрреволюционерам, белой гвардии.

Мы надеемся, что вы откликнитесь на наш зов, разогнете свои могучие крестьянские трудовые спины, дадите поддержку братьям рабочим, которые встали, как один человек, по первому зову совета защищать нашу дорогую завоеванную кровью свободу».

Военно-революционный комитет (Цаплин М. К., предс. совдепа, Сулима, Царицын, М. М. Казаков, Малюков и др.) решил сконцентрировать силы в Барнауле, чтобы создать здесь мощную ударную группу для наступления на мятежников. В связи с этим военно-революционный комитет обратился к Бийскому, Каменскому, Семипалатинскому и Змеиногорскому совдепам с просьбой немедленно выслать в Барнаул вооруженные красногвардейские отряды. Вскоре отряды начали прибывать в Барнаул. Военно-революционный комитет стал во главе этих объединенных отрядов и выехал на фронт, в сторону Новониколаевска.

На ст. Берск (в 30 верстах от Новониколаевска) восстановили совет, разогнанный берскими эсерами и кулачеством.

В Берске же для руководства боевыми операциями выбрали штаб, в который от бийских красногвардейцев избраны были Мохов, Семенов, Забелло, Михайлов, Байчурин и Иванов, а от барнаульских — Присягин, Фомин, Цаплин.

Командующим фронтом был избран военспец, штабс-капитан инженерных войск Иванов.

Из Берска выслали разведку, которая донесла, что в Новониколаевске осталось очень мало чехов, так как их главные силы уехали в сторону Омска и Томска. Узнав об этом, комсостав и красногвардейцы начали настойчиво требовать, чтобы их повели в бой, но слабохарактерный и нерешительный командующий фронтом наотрез отказался открыть военные действия, ссылаясь на разные гнилые доводы, как-то: в Берске нет удобной подачи из водожачки воды для паровозов, мост по реке Инюшке разрушен чехами и, наконец, фронт не обеспечен от нападения с тыла.

Военное положение требовало со стороны красногвардейцев полного подчинения комсоставу, и красногвардейцы, подчиняясь приказу командующего фронтом, отступили на ст. Черепаново, хотя фактически для наступления на Новониколаевск к тому времени создалась самая благоприятная обстановка. Дело в том, что как-раз в те дни каменские красногвардейцы разгромили белогвардейцев, пытавшихся восстанием захватить город Камень и близлежащие к нему села, и своими решительными действиями навели на каменских белогвардейцев такую панику, что вызвали тревогу даже среди белогвардейцев города Новониколаевска.

«Положение в Камне серьезное», сообщал по телеграфу в Новониколаевск из села Крутихи какой-то почтово-телеграфный белогвардейский чинуша.

«Дело плохо, нужна помощь».

«Из Камня ушла вниз по постановлению революционного штаба моторная лодка. Разведчики-красногвардейцы находятся вблизи Берска».

Новониколаевские беляки не решались, однако, пойти на помощь каменским.

Но как только барнаульские красногвардейцы отступили из-под Берска в Черепаново, новониколаевские беляки обнаглели и на пароходах по Оби повели из Новониколаевска наступление на села Чингизы и Крутиху. Каменские красногвардейцы встретили врага и наголову разбили его.

Встревоженный таким оборотом дела тот же самый чинуша телеграфировал: «Красногвардейцев в Камне всего 400 человек, но они усиленно вербуют по заводам и деревням красногвардейцев и вооружают их, так-что количество их может увеличиться до 800. Штаб их находится на пароходе «Гражданин» или «Крестьянин», хорошо не запомнил, и отплыл вниз неизвестно куда. Часть разбитых белогвардейцев прячется по полям. Террор. Население сильно терроризировано и просит помощи от вас, защиты. Мне тоже сейчас оставаться опасно, так как я буду главным виновником опубликования распоряжений временного правительства по округу и четвертой части уезда. Как мне быть?».

Вся эта обстановка выяснилась значительно позже, как и позже выяснилось, что командующий Иванов — скрытый враг, действующий заодно с белыми, но тогда относились к Иванову с доверием, послушались его и отступили.

3. Первое столкновение с неприятелем

По приезде на ст. Черепаново заметили суетливое движение на ст. Евсино. Установили, что там стоит эшелон чехо-словаков. Около вагонов на полотне дороги копошились люди. Впереди эшелона — платформа, на которой стоит оружие.

Отряд мадьяр пошел в наступление. Они дружно рванули ружейным огнем по противнику. Завязалась перестрелка. С обеих сторон затрещали пулеметы.

Часть отряда железнодорожников, гремя затворами винтовок и сшибаясь на бегу друг с другом, в шумливом беспорядке рассыпалась в цепь и пошла на поддержку мадьярам. Оставшиеся в резерве спрудились на перроне станции и стали наблюдать за никогда еще невиданной, а, поэтому, и казавшейся такой интересной и невинной картиной боя. На перроне же находился и командующий фронтом Иванов.

В воздухе парило невероятно. От стоявших на путях паровозов тянуло дымом, машинным маслом и перегретым паром.

Неожиданно для всех со стороны неприятеля вдруг грянул орудийный выстрел. Толпа насторожилась и сразу притихла. Рассекая воздух, снаряд блеснул яркой огневой вспышкой и обдал толпу тысячью визгливо заскрежетавших осколков. Жутким стоном покатился вопль раненого.

За первым снарядом с грохотом и визгом разорвался второй.

Началась паника. Стоявшие на ст. Черепаново в резерве бросились к эшелонам. Но паровозы, словно уснувшие чудовища, тяжело посапывая и лениво фыркая клубами черного дыма, неподвижно стояли на путях.

Толпа, готовая все снести на своем пути, хлынула к переднему паровозу и взяла «в работу» машиниста.

Оказалось, что машинистов обязали подчиняться только штабу. А штаб, между тем, предоставил свое войско воле судеб и предусмотрительно скрылся в тыл.

Словом, некому было распоряжаться фронтом.

Паника, правда, вскоре улеглась сама собой, но положение на фронте создалось серьезное.

Подметив, что на правом фланге, где в цепях были железнодорожники, отсутствует дисциплина, противник на этот именно боевой участок, как на самый слабый, и направил свой пулеметный и орудийный огонь.

Расчеты противника оказались верными. Фланг дрогнул и, под прикрытием огня мадьяр, начал в беспорядке отступать к станции.

4. Герой — паровоз

Надо было загородить путь противнику, иначе он мог бы наделать много беды людям и эшелонам, сплывшимся на станции Черепаново.

Но штаб уехал, и некому было распоряжаться.

Из создавшегося затруднительного положения выручила находчивость слесаря-жестянщика Ивана Долгих.

Поняв, какая опасность угрожает красногвардейцам, Долгих побежал к начальнику станции и потребовал: «Давайте скорее паровоз».

Начальник, втайне сочувствовавший белогвардейцам, сразу понял намерение Долгих.

«Я паровоза дать не могу. Вы попробуйте запросить разрешение у начальника службы тяги», посоветовал он.

Возмущенный ответом начальника станции, Долгих раскрипел:

«Тут полторы тысячи людей могут погибнуть, а он разрешение задумал требовать. На, вот тебе разрешение!», и Долгих сунул под нос начальника дуло револьвера.

Через несколько минут из депо на главный путь плавно выкатился черноматовый декапот.

Машинист Попов поставил на полный ход регулятор и соскочил с паровоза.

Захлебываясь от дыма и дрожжа от напряжения всем своим стальным корпусом, декапот с головокружительной быстротой понесся в атаку на врага рабочего класса.

Противник заметил угрожающую ему опасность, забегал, засуетился. Но было уже поздно. Раздался ужасный треск. Американская углярка, на которой стояло орудие противника, вздыбилась, все находившееся на ней было разбито вдребезги и превращено в бесформенное месиво, а паровоз с продавленной грудью свалился набок. Путь был исковеркан и загражден.

Наступление белогвардейцев временно приостановилось.

Тревожно загудели гудки паровозов, и на их уныло протяжный зов со всех сторон начали обегаться красногвардейцы, бывшие в цепях.

Красновато-бурые вагоны, словно торопясь, проглотили людские массы, и эшелоны, забирая все большую и большую скорость, понеслись от станции Черепаново к ст. Тальменка.

В степи, где гремел бой, воцарилась снова тишина. Паровоз, оказавший красногвардейцам столь важную услугу, остался умирать во вражеском стане.

5. В окопах на реке Чумыше

На реке Чумыше у ст. Тальменки, в 100 километрах от Барнаула, отряды красногвардейцев приготовились встретить противника уже не среди чистого поля, а в глубоко вырытых и замаскированных прибрежными кустами окопах.

В течение шести дней отряды вели перестрелку с противником, ездили в разведку и стреляли из привезенных бийчанами длинных чугунных пушек екатерининских времен.

«Екатеринки» начинялись мешочками пороха, каждый в два-три фунта весом, а вместо снарядов в них сыпали гайки, болты и ржавое железо, рубленное на куски. Отверстие дула затыкалось мешком.

«А ну-ка, Катюша, вспомни свою молодость!» — шутили доморощенные артиллеристы. — «А вы, товарищи, отойдите-ка на всякий случай подальше», — предупреждали они любопытных... «Чорт ее знает, что у нее на уме!».

«Катюша», гордо распластавшись на платформе, оглушенно рывкала под одобрительные возгласы окружающих, выбрасывала целое море огня и дыма и подскакивала чуть ли не на аршин вверх.

Бийчане привезли с собой три таких пушки. Какой-нибудь пользы от их выстрелов не было, так как дальше 80 метров они не били. После того как одна пушка разорвалась и насмерть искалечила красногвардейца, эти пушки бросили и больше к их помощи не прибегали.

На 7-ой день перед вечером было получено поразившее всех, как гром, известие:

«Конная милиция, сформированная из ненадежных элементов, изменила и, перебив часть кавалеристов из бийского отряда, перешла на сторону противника и обнажила левый фланг. Белогвардейцы воспользовались этим случаем, переправились через реку Чумыш и в 5 верстах в тылу на разъезде чешско-офицерский отряд занял железнодорожную казарму».

Наскоро собрались на митинг. Зашумели, заволновались. Как быть? Спереди и сзади противник, а по бокам железнодорожного пути болота так растянулись, что и конца им не видно. Что делать? Решили с наступлением сумерек сняться без шума с позиции и всеми силами пойти на железнодорожную казарму. Мадьяры же остались охранять мост от чехов.

Наступила темная, пронизанная гнилой болотной сыростью, ночь. Теряя направление, спотыкаясь о кочки и корни кустов, красногвардейцы, по колена в воде, побрели по болоту. Долго шли, падали от усталости и изнеможения и почти перед самым рассветом подошли к казарме, где приветливо мелькали в окнах огоньки. Красногвардейцы бесшумно залегли в кустах и плотным кольцом охватили противника.

Белогвардейцы, заранее уверенные в победе над красногвардейским «сбродом», беспечно коротали весеннюю ночь.

На рассвете грянул условный винтовочный выстрел, и красногвардейцы с ревом и криками бросились в атаку на казарму.

Встреченные убийственным огнем белогвардейцев, многие красногвардейцы легли убитыми и ранеными. Однако, огонь не

остановил атакующих. Задыхаясь от быстрого бега, падая и снова поднимаясь, красногвардейцы неистово мчались вперед.

Где-то вспыхнуло вначале короткое, вскоре перешедшее в громовые раскаты «ура!», и два классовых врага схлестнулись в ожесточенной смертельной для обеих сторон схватке.

Со всех сторон неслись крики, вопли, крепкая брань.

Белогвардейцы храбро защищались. Однако, все были перебиты. В живых остались только четыре офицера — два чеха и два русских, которых забрали в плен и отправили в Барнаул на допрос.

Красногвардейцам тоже не дешево досталась эта победа: они потеряли около 100 человек убитыми и ранеными.

После боя красногвардейцы намеревались сделать посадку в эшелоны, но их не оказалось на путях. Начали разузнавать и выяснили, что штабное начальство незадолго до захвата казармы белогвардейцами снова укатило в тыл, при чем не только уехало, но распорядилось также о том, чтобы увели все эшелоны и сожгли деревянные мосты.

Наскоро отправили раненых в ближайшую деревню, похоронили убитых, а сами, голодные и уставшие, потянулись по шпалам на ст. Алтайскую, расположенную в 60 верстах от места боя.

К вечеру подошли к ст. Озерки, где встретили помощника начальника Красной гвардии Царицына, гордо восседавшего на коне и обвешанного оружием. Красногвардейцы с руганью набросились на Царицына, сдернули его с коня, отобрали оружие и хотели тут же пристрелить, но их до этого не допустили.

По приходе на ст. Алтайскую пошли в штаб и потребовали у него отчета в его преступных действиях.

Иванов, командующий фронтом, авторитетно заявил, что он занят был разработкой плана военных действий.

«Это в тылу-то!», возмутились красногвардейцы, и хотели его также расстрелять. Однако, красногвардейцев уговорили этого не делать. Иванова и Царицына арестовали и под конвоем отправили в Барнаул.

Весь отряд расположился на отдых.

6. Восстание белогвардейцев в Барнауле

Сибирская белогвардейщина ожила, когда узнала, что чехословаки свергают советы. Белогвардейские подпольные военные организации начали лихорадочно готовиться к восстаниям. Зашевелилась и белогвардейская подпольная организация г. Барнаула. Она поставила себе целью вызвать в городе переполох, захватить банк, почту, тюрьму, некоторые государственные учреждения, нагнать панику на большевиков и красногвардейцев, внести сумятицу в их ряды и облегчить, таким образом, чехословакам захват города.

Барнаульская белогвардейская организация насчитывала по своему району 400 человек. В самом Барнауле она имела отряд в 120 человек. К моменту восстания численность отряда несколько

возросла. Во главе организации стоял сын регента барнаульского кафедрального собора, штабс капитан А. С. Ракин¹.

В два часа ночи с 10 на 11 июня в церквях ударили в колокола. Это был условный знак. Бодрствовавшие белогвардейцы выступили.

Ничего не подозревавшие рабочие, между тем, мирно спали.

Белогвардейцы захватили тюрьму, откуда освободили 20 человек своих единомышленников. Заняли лагерь военнопленных, где обезоружили до 50 красногвардейцев и забрали свыше 200 винтовок. К полудню белогвардейцы арестовали многих большевиков, заняли милицйские участки и почту.

Но занять город целиком белогвардейцам не удалось. В центре города, который стойко оборонялся красногвардейцами, белогвардейцы успели захватить только здания гимназии и реального училища.

Кое-где завязалась перестрелка. Некоторые рабочие, заметив выступление белогвардейцев, начали давать тревожные гудки.

Заслышав выстрелы, церковный набат и тревожные гудки, рабочие повскакали с постелей и помчались к совету. Прибежали рабочие лесопильного завода, железнодорожники, шпигатники, пимокаты, строители, металлисты с завода сельскохозяйственных машин.

Однако, решающую роль сыграли подоспевшие отряды кольчугинских и каменных красногвардейцев.

Кольчугинскими красногвардейцами-шахтерами командовал член Кольчугинского красногвардейского штаба Петр Федорович Сухов. Эти красногвардейцы героически сражались с чехами под станциями Арлюк и Топки, защищая подступы к нынешнему Кузбассу. Не будучи в состоянии своими плохо вооруженными и слабо обученными военному делу шахтерами отбить и задержать наступление чехо-словаков, Сухов с уцелевшими остатками своего отряда двинулся через Салаирские горы и тайгу к Барнаулу.

Прибыли суховцы как раз ко времени. Узнав о выступлении белопогонщиков, суховцы соскочили с телег, рассыпались в цепь и стремительно ударили в тыл белогвардейцам.

В то же время красногвардейцы, подошедшие из города Камня, вместе с отрядом железнодорожников повели наступление на почту, где успел обосноваться штаб белогвардейцев.

Хлестко защелкали пули по белогвардейской крепости — кирпичному трехэтажному зданию, — раздался звон разбитых стекол и из дверей, как крысы, бегущие с тонущего корабля, начали в испуге один за другим выскакивать «спасатели отечества».

«Ага!.. Не по вкусу, видно, пришлось», смеялись красногвардейцы.

¹ Более подробные сведения о деятельности этих организаций в Сибири вообще и в Барнауле в частности читатель найдет в статье В. Вермана «Сибирские контрреволюционные организации 1918 г.». «Сибирские огни», 1928 г., № 1.

В центре же города барнаульские красногвардейцы бомбометным огнем выбивали белогвардейцев из зданий гимназии и реального училища.

Не выдержали белые дружного натиска красногвардейских отрядов и в панике начали отступать в сосновый бор на краю города.

К четырем часам дня город снова оказался в руках красногвардейцев.

7. Отступление Красной гвардии

Прошло 4 дня. Белогвардейцы и чехо-словаки успели занять ст. Алтайскую и укрепиться у моста через реку Обь, расположенного всего только в двух верстах от Барнаула.

Буржуазия с нетерпением ждала своих избавителей. Но упрямый советский город оцетинился тремя тысячами большевистских штыков и вовсе не намерен был сдаться врагу. Наоборот, он готовился отбить врага.

Артиллерия противника, между тем, то в ярости была по окопам красногвардейцев, расположенным на левом берегу реки Оби, то переносила огонь на железнодорожную станцию, то посылала снаряд за снарядом на городское кладбище, где стояли красногвардейские заставы.

В селе Гоньбе, расположенном в 30 верстах к юго-западу от города, чехи и белогвардейцы высадили крупный десант, прибывший на пароходах из Новониколаевска под командой полковника Будкевича, и сунулись было на левый фланг красногвардейских войск, расположенных возле кожевенного завода, но начальник этого боевого участка, бывший унтер-офицер германской войны, чернорабочий Гаськов, нанес такие тяжелые поражения противнику, что он в панике откатился обратно в Гоньбу.

Город уже с трех сторон был окружен противником, насчитывающим в своих рядах, при артиллерии и пулеметах, не менее 1500 штыков.

Изолированные от других городов Сибири, красногвардейцы не знали, что к тому времени уже пали Челябинск, Омск, Томск и другие города Сибири. Барнаульцам казалось, что они защищают город только от новониколаевских чехо-белобандитов. Они пребывали в уверенности, что в руках белых находится только Новониколаевск, тем более, что после захвата этого города белыми в Барнаул было доставлено из Омска, бывшего в то время главным военно-административным центром Западной Сибири, телеграфное распоряжение держаться и защищать Барнаул до подхода подкрепления.

Отряды, высланные из Омска, успели уже занять Барбинск, Каинск и вели бои под ст. Каргат, в 150 верстах от Новониколаевска.

Барнаул, обороняемый пролетариатом, стойко держался. Когда же Барнаул начал окружаться противником с четвертой стороны, со стороны железной дороги на Семипалатинск, штаб отдал красногвардейцам приказ грузиться в эшелоны и эвакуироваться.

Всю ночь шла лихорадочная погрузка. На рассвете 15 июня 2000 красногвардейцев погрузились в три эшелона и отправились на ст. Алейскую, но при выезде из города, у кирпичных сараев, им преградили дорогу белогвардейцы. Завязался сильный бой.

Бой у кирпичных сараев вел главным образом отряд интернационалистов-мадьяр.

Во главе мадьярских частей стояли военнопленные мадьяры Оскар Гросс (зуб. техник) и Геци Роберт (механик). После падения Барнаула Оскар Гросс скрылся, впоследствии он был чехо-словаками схвачен в Иркутске и казнен.

Обеспечив отход Красной гвардии в сторону Семипалатинска, этот отряд оказался отрезанным и целиком попал на расправу к чехо-словакам.

Белогвардейцы, среди которых преобладали чехо-словаки, выгнали пленных интернационалистов на кладбище и там, среди могильных памятников пачками их расстреливали. Эта расправа производилась в праздничный день. Город оглашался звоном колоколов. В церквях попы служили молебны по поводу избавления города от большевиков. А в это время черносотенцы и рядовые обыватели толпами окружили кладбище и радостно глазели на эту дикую расправу. Улюлюканьем, гиком и свистом сопровождали они оружейные залпы, вопли избиваемых и стоны умирающих.

«И ложились, — пишет очевидец этой расправы, — один за другим молодые, сильные, без тени страха, мольбы, раскаяния, сожаления. Ложились среди кустов крапивы, малины, среди могил, крестов — тихие, спокойные, с безумной жадной жизни. И лежали долго: убирать некогда — после подберут, кому надо»¹.

После отъезда совдепа и красногвардейцев белые приступили к кровавой расправе над рабочими. Уже не гудели, как раньше, бодро призывные гудки на станции и на заводе. В обезлюдивших цехах жизнь уже не кипела по-революционно-боевому. Рабочие, обессиленные отъездом своих защитников, уже не думали об отпоре.

А белогвардейцам уже больше некого и нечего было бояться. Они пошли на завод «Шпагат». Ранним утром в густом бору, где стоял завод, раздавалась частая дробь винтовочных выстрелов, и окруженные со всех сторон небооруженные рабочие сдались «победителям».

Белые зверски их избили, а потом вместе с семьями построили по-четыре в ряд и повели на допрос в центр города, в дом купца Паскотинова, где находился штаб.

Начальник конвоя, молодой гимназистик, довольный выпавшей на его долю ролью, ежеминутно подсчитывал ногу. Женщины и дети сбивались со счета, лезли на пятки впереди идущих и расстраивали ряды. Вскоре они выбились из сил и запротестовали: «Да чего вы, в самом деле, скотину, что ли, гоните!».

¹ См. журнал «Сибирские огни» № 1 за 1922 г., очерк Г. Пушкарева — «Толпа».

«Не разговаривать!» — заорали конвоиры, — а нето приклада попробуете.

На Сенной площади арестованных поджидала большая толпа городских обывателей. Толпа оголтелых черносотенцев ворвалась в ряды рабочих и начала избивать их тростями, палками, камнями.

«Бей их с... сынов, совдепщиков!».

Кучка реалистов разорвала рубаху на маленьком мальчишке и принялась осыпать его ударами.

В то время как с окраин подводили арестованных рабочих, добровольцы из местных патриотов шныряли в бело-зеленых повязках¹ по городу и наводили «порядок».

8. В кольце врагов

На станции Алейской эшелоны опустели.

Один эшелон красногвардейцев штаб отправил в сторону Семипалатинска. Через три дня эшелон, после боя под ст. Шипуновой, вернулся назад вместе с семипалатинскими красногвардейцами, которые сообщили, что Семипалатинск захвачен казаками.

Что делать?

На митинге председатель Алтайского губсовдепа Цаплин обрисовал создавшееся положение и сказал:

«В Барнауле и Семипалатинске чехи и казаки, Змеиногорск, Славгород и Камень также заняты белыми. Мы находимся в окружении противника и поэтому нам остается или побросать оружие и разойтись, или же итти на соединение с советскими войскам в Омск. Но путь до Омска далек. Пока мы туда доберемся, придется долго блуждать по Кулундинской степи».

Решили итти в Омск.

Однако, далеко не все пошли туда. Около половины красногвардейцев сдали оружие и разбрелись по окрестным деревням. В связи с этим пришлось реорганизовать отряд. Командиром 1-го барнаульского отряда избран был Иван Долгих, 2-го железнодорожного — Пьянников, 3-го коммунистического — Бойнов, 4-го мадыарского — Побожный.

Для руководства походом избрали штаб. Красногвардейцы хотели в состав штаба избрать Цаплина, Присягина и Казакова, но все трое наотрез отказались.

«Мы люди штатские, — заявил Цаплин — и руководить боевыми действиями не умеем. Мы остаемся в отряде, как простые рядовые, а в штаб следует избрать людей, более подходящих».

И по предложению Цаплина красногвардейцы избрали в состав штаба следующих лиц: П. Сухова, Сулима, Трусова, И. Долгих и железнодорожника К. Елистратова.

¹ Знамя из двух продольных полос — белого и зеленого, символизирующих белые снега и зеленые леса Сибири, — знамя сибирских областников. Контрреволюционеры, выступавшие в 1918 г. в Сибири против советской власти, надевали бело-зеленые повязки на рукава или пришивали таких же цветов полоски к шапкам, чтобы показать, что они борются за освобождение Сибири от советской власти.

Отряд красногвардейцев-мадьяр. В центре 2-го ряда командир Побожний.

Кроме штаба, избран был также «совет штаба», в который входили все командиры отрядов.

П. Сухова назначили «командующим всеми вооруженными силами Алтайской губернии».

Со ст. Алтайской двинулись на село Серебрянниково, Славгородского уезда.

Не успели они дойти даже до села Мохоушки, как уже по всем деревням приборовой полосы разнеслась весть, что советская власть в Барнауле пала, что в степи блуждает многотысячный отряд Красной гвардии, что красногвардейцы грабят и убивают мужиков, насилуют женщин.

Испуганные бабы принялись прятать в ямы и погреба свое добро: подушки, сундуки с бельем и т. п. вещи. Предусмотрительные мужики начали угонять лошадей и коров из пригонов в лес.

В большом селе Серебрянниково собрался сход. Мужики с шумом и азартом обсуждали вопрос о том, как встретить незваных гостей. Кулаки, торгаши, поп и эсерствующая деревенская интеллигенция советовали дать отпор красногвардейцам.

В самый разгар ожесточенных споров к волости подошел красногвардейский отряд под командой П. Сухова и решительно потребовал, чтобы приготовили подводы. Крестьяне поняли, что о сопротивлении не может быть и речи. Не долго мешкая, они доставили подводы, после чего отряд двинулся дальше, в деревню Харитоновку, Каменского уезда.

В Харитоновке на заседании военного совета, в котором приняли участие все большевики, находившиеся в отряде, решено было послать три партии разведчиков в города Камень, Славгород и Омск для выяснения сил и расположения белогвардейцев. В каждую партию выбрано было по три партийца.

В партию, отправлявшуюся в Омск, выбрали самых надежных партийцев: члена правления союза строителей Волкова Дмитрия Никифоровича, члена Барнаульского губ. партбюро А. И. Попова и одного латыша (фамилия его осталась невыясненной). Им дали задание, в случае занятия Омска белыми, пробраться через их фронт на Урал и сообщить советскому командованию о положении в Сибири.

Из всех товарищей, посланных в глубокую разведку, задание полностью выполнил только Волков. Латыш остался в Славгороде и бесследно исчез, а Попов, добравшись до Славгорода, чуть было не подвергся аресту, от которого избавился только благодаря своему умело сфабрикованному «липовому» паспорту. Попов был вынужден уйти в подполье. Под видом продавца «божественных» книг и нательных крестиков, ходил он по деревням и селам, занимаясь организацией подпольных ячеек для борьбы с контрреволюцией.

В деревне Харитоновой отряд намеревался долго простоять на отдыхе. Эта деревня представляла из себя природную крепость. Она стоит между тремя озерами. Попасть в нее можно только с двух сторон.

В одну из ночей вдруг поднялась сильная перестрелка — это каменский отряд белогвардейцев в 200 чел. напал на красно-

гвардейцев. Однако, беляки ошиблись. Красногвардейцы дали бой. Белые были разбиты.

А. И. Попов

Д. Н. Волков

Теряя убитых и раненых, белые спешно отступили в г. Камень.

Красногвардейцам ясно стало, что долго задерживаться в Харитоновой не следует.

Между тем прошла уже неделя с тех пор, как послали разведку, а она все еще не возвращалась. Случайно узнали, что Омск пал. Созвали митинг для разрешения вопроса, куда и в каком направлении идти. Одни, в том числе и Сухов, предлагали пробраться, обойдя Омск окольными путями, к тогдашней советской границе. Другие советовали направиться в Горный Алтай и там, в зависимости от положения, решить, куда держать дальнейший путь: в Монголию или Семиреченскую область (Казакстан).

Остановились на первом предложении.

Не особенно доверяя сведениям о падении Омска, штаб все же решил продолжать путь в начатом направлении. Из Харитоновой отряд двинулся по направлению к Камню.

На одном из переходов обнаружили, что куда-то исчезли Цаплин, Присягин и Казаков.

Их долго искали, но нигде не могли найти. Исчезновение этих товарищей сильно повлияло на настроение отряда.

В отряде возникло предположение, что Цаплин, Присягин и Казаков смалодушничали, испугавшись трудностей предстоящего похода, а потому и сбежали. За ними даже послана была погоня, в которой участвовал Иван Долгих. Догнать, однако, не удалось.

Вернее всего, что Цаплин, Присягин и Казаков отстали от отряда и сбились с пути. Впоследствии узнали, что эта тройка пробиралась под видом землемеров. У деревни Панкрушихи,

Каменского района, они остановились в бору на ночевку. Здесь их увидел барнаульский учитель, белогвардеец Филимонов, который подговорил кулаков арестовать «совдепщиков»¹. Арестованные были доставлены в барнаульскую тюрьму, откуда в сентябре белогвардейцы вывели их и убили.

Красногвардейский отряд, между тем, прошел мимо Камня и подходил к селу Карасук, которое лежит вблизи железной дороги, идущей со ст. Татарской на Славгород. В Карасуке получили сообщение о том, что из Татарска, Семипалатинска, Камня, Барнаула и Змеиногорска отправлены крупные белогвардейские силы для того, чтобы окружить красногвардейский отряд и расправиться с ним.

Дальше продвигаться на Омск не представлялось уже возможным. Штаб Сухова решил идти в южную часть Барнаульского уезда и оттуда пробраться в Монголию.

Красногвардейцы повернули на юг и двинулись к селу Линьки, Славгородского уезда. Здесь они встретили отряд белогвардейцев. Бой продолжался в течение целого дня. Белые были разбиты.

Неудачи и большие потери, которые несли белогвардейцы, а также агитация, которую красногвардейцы вели среди крестьян на пути своего продвижения, заставили, наконец, эсеровское правительство обратить более серьезное внимание на красногвардейский отряд Петра Сухова. Для ликвидации отряда из Барнаула отправили батальон чехов, а из Семипалатинска офицерский отряд в 100 чел., сотню казаков (киргизов) и две сотни русских казаков.

Вся местность, по которой проходил красногвардейский отряд, была объявлена частью на военном, частью на осадном положении.

Начальник южного отряда полковник Волков издал следующий приказ:

**НАЧАЛЬНИКАМ ГАРНИЗОНОВ: БИЙСКА, БАРНАУЛА, КАМНЯ,
СЛАВГОРОДА, УСТЬКАМЕНОГОРСКА.**

27 июля 1918 г. 20 часов. В виду серьезности момента в районе Алтайской жел. дороги и открытия военных действий в районе Барнаул и ст. Рубцовка, объявляю: 1) Железную дорогу от ст. Новониколаевск до Бийска, от ст. Рубцовка до Семипалатинска (включительно) и всю прилегающую к ней местность на военном положении. 2) Жел. дорогу от ст. Алейская до ст. Рубцовка и г. Барнаул (включительно) и всю прилегающую местность и район военных действий — на осадном положении. 3) В силу этого все преступления в означенных местностях и участках жел. дороги будут караться по всей строгости законов военного времени. Всем начальствующим лицам гражданским, военным для немедленного опубликования. Прошу вывесить таковую на видных местах станций, служебных помещений и объявить под расписку всем служащим и рабочим.

Ничего не зная о группировке сил противника, красногвардейский отряд, после двухдневного отдыха в деревне Линьках, двинулся на село Вознесенское и здесь был неожиданно встре-

¹ Когда советская власть вновь установилась в Барнауле, предатель Филимонов был арестован и расстрелян.

чен оружейным и пулеметным огнем офицерского отряда и казаков. Но не повезло и этим отрядам: они были разбиты наголову и в панике бежали, оставив красногвардейцам 30000 патронов и 6 пулеметов.

За казаками в погоню отправилась красногвардейская кавалерия под командой Долгих. Казакам, однако, удалось скрыться.

Тем временем на красногвардейцев повел наступление батальон чехов. Им удалось вытеснить красногвардейцев из села Вознесенского в село Малышев Лог, но здесь красногвардейцы быстро оправились и дали чехам встречный бой. Этот бой был длительный и упорный. Ни та, ни другая сторона не хотела уступить друг другу поле битвы.

Чехам, занявшим к тому времени всю Сибирь, вплоть до города Иркутска, казалось невероятным не одержать победы над каким-то красногвардейским «сбродом». Но этот «сброд» были уже не те бойцы, которые у ст. Черепаново бросились в панику от орудийных выстрелов. Обстрелянные и вышедшие победителями в многочисленных боях с белогвардейцами, красногвардейцы теперь представляли уже из себя мощную организованную боевую единицу. Объединенные волей к победе семипалатинцы, барнаульцы, кольчугинцы, каменцы и бийчане, — вся эта тысячная армия слесарей, столяров, горняков и железнодорожников героически отбивала атаки хорошо вооруженных и по-военному дисциплинированных чехов и белогвардейцев.

В самый решающий момент боя к полю битвы подоспел кавалерийский отряд Ивана Долгих, вернувшийся из-под Усть-Кучука, куда преследовал разбитых казаков. Кавалерия красногвардейцев, состоявшая из мадьяр, ураганом врезалась в правый фланг и тыл чешских цепей. Чехи не выдержали лихого наскока и, расколовшись на две половины, отступили под покровом ночной темноты: одна часть в сторону Семипалатинска, другая к линии железной дороги.

Павлов

Васильев

Благодаря этой победе, путь для продвижения в горы был свободен. Но эта победа также дорого обошлась и красногвардейцам, которые в бою потеряли больше сотни убитых и раненых. Среди убитых был и герой командир Семипалатинского отряда Трусов, которого похоронили в селе Кабаньем.

9. В горах Алтая

Проходили дни, недели. Напряженнейшая упорная борьба с силами контрреволюции продолжалась.

Малодушие и уныние в рядах красногвардейцев не имели места. Все трусливое, малодушное уходило своевременно из отряда. В отряде оставались только те, кто поставил себе задачей довести борьбу с классовым врагом до конца.

Дальше пошли без боев. Прошли юго-восточную часть Барнаульского уезда, Змеиногорский уезд, восточную часть Бийского уезда и начали приближаться к Горному Алтаю.

«Чтобы это могло значить», рассуждали в отряде, «что белогвардейцы оставили нас в покое?».

Впоследствии выяснилось, что белые в это время стягивали войска для окружения красногвардейского отряда, когда он войдет в деревню Тележиху, расположенную в горах.

В бою под Тележихой, против 400 белых добровольцев, прибывших из Новониколаевска, и четырех сотен чарышских казаков под общим командованием полковника Волкова сражались 500 красногвардейцев под командой Сухова, Сулима, Долгих и других командиров.

Два дня шел бой. Гремела горная артиллерия. Трещали десятки пулеметов. Цепи противника то подходили вплотную к деревне, то в панике откатывались назад.

Увидев бесполезность своих усилий, белогвардейцы пустились на хитрость и послали красногвардейцам пакет.

«Сдавайтесь», писали они, «выхода для вас нет. Вы окружены превосходными силами правительственных войск. К чему бесполезно лить братскую кровь? Не сдадитесь — все будете расстреляны».

Штаб отряда ответил: «Волк вам брат, а не мы. Если можете, разбейте нас, сдаваться же вам в плен без боя мы не намерены».

В эту же ночь отряд сжег свой обоз и лишние припасы и, оставив тяжело раненых и больных в деревне под присмотром медицинского персонала, двинулся на гору Будачиху, которая считалась непроходимой.

Шел сильный дождь. Гремел гром. Сверкала молния. Красногвардейцы при помощи старика-проводника тронулись в путь. В темноте падали в ямы, спотыкались о камни, блуждали в кустах. К утру следующего дня красногвардейцам удалось спуститься в долину, у деревни Каракол.

Более же двухсот красногвардейцев, измученных тяжелым подъемом, запутались в горных тропах и не нашли выхода. Все они разбрелись по горам.

Анна Дерябина

Крестьяне и казаки ловили их и расстреливали. Закапывали живыми в землю, а потом с руганью и дракой делили одежду, снятую с убитых, и взятые у последних деньги.

Спасти удалось немногим.

После ухода красных белые, заняв Тележиху, расстреляли 27 тяжело раненных и больных. Этой же участи не избежали и шесть сестер-хочалок: Анна Дерябина, Солнцева, Федянина, Обухова, Красилова, Косткина.

Из деревни Каракол отряд на мобилизованных у населения лошадях двинулся уже в конном строю по маршруту через селения Усть-Кан, Абай, Уймон и Катанду в Монголию.

10. Предатели эсеры

За Катандой, в горах Алтая, на берегу реки Катунь, у подножья горы Белухи приютилась маленькая кержацкая деревенька Тюнгур. По пути туда в селе Абае отряд встретил некоего Казарцева, жителя Катанды. Этот Казарцев встретил в отряде своего давнишнего знакомого в лице красногвардейца Жебурикина. Они вместе, как эсеры, отбывали в царское время якутскую ссылку. Разговорились. Казарцев вызвался проводить отряд до Катанды и заверял, что население с радостью встретит красногвардейцев. Красногвардейцы охотно приняли это предложение.

Под предлогом заблаговременной подготовки для отряда квартиры и продовольствия Казарцев и Жебурикин уехали вперед.

Вот, наконец, и долгожданная Катанда.

Пришло сюда только 253 красногвардейца — последние остатки некогда многочисленного и мощного отряда.

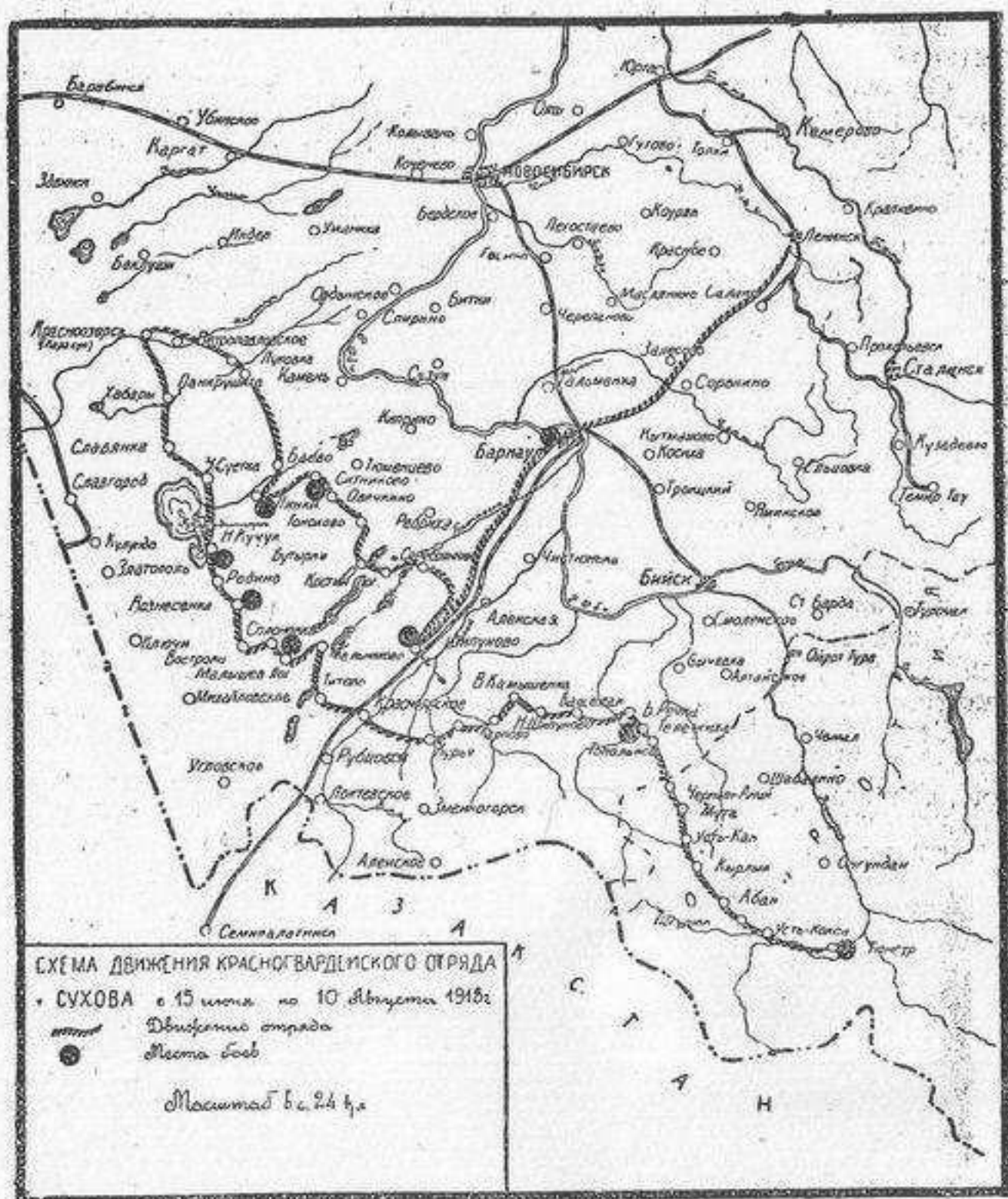
Перед входом в село, у покотины, устроили совещание. Выяснили, что пробираться в Монголию намерены только 120 красногвардейцев. Остальные 133 красногвардейца решили разбрестись по окрестным селам и деревням, но уже после того как минуют Тюнгур, дабы не возвращаться по тому пути, по которому пришли, так как знали, что за ними идет погоня.

Вошли в Катанду.

Население деревни действительно радушно встретило отряд. Такой прием никого не удивил.

«Это постарались, должно быть, Казарцев и Жебурикин», рассуждали красногвардейцы.

В Катанде отряд насушил сухарей и простоял один день на отдыхе. Затем красногвардейцы попрощались с гостеприимны-

ми хозяевами, сели на коней и с песнями и шутками пустились гуськом в дальнейший путь.

Вот деревня Тюнгур. Отехали верст пять. Слезли с коней и, держа их на поводу, пошли по узенькой дорожке отвесной горы Байда. Справа, внизу под крутым обрывом, бешено ревела и мчала свои колодные темнозеленые воды река Катунь. Местные лошаденки, настороженно похрапывая, цепко ставили ноги на каменную грудь дорожки и медленно продвигались вперед к приземистым зеленым кустам.

Как вдруг кругом все загудело, завыло, загрохотало. Это впереди из-за кустов загремели залпы. А в лесу, что на правом берегу Катунь, начали трещать пулеметы. Красногвардейцы сделали было попытку прорваться назад в Тюнгур, но не тут-то было, так как и со стороны Тюнгура их стали обстреливать.

Враг оказался кругом. Но где он? И как от него защищаться?

Оставалось одно из двух: или броситься с высоты обрыва в Катунь и погибнуть или же лезть на вершину горы. И красногвардейцы, несмотря на убийственный перекрестный огонь противника, полезли.

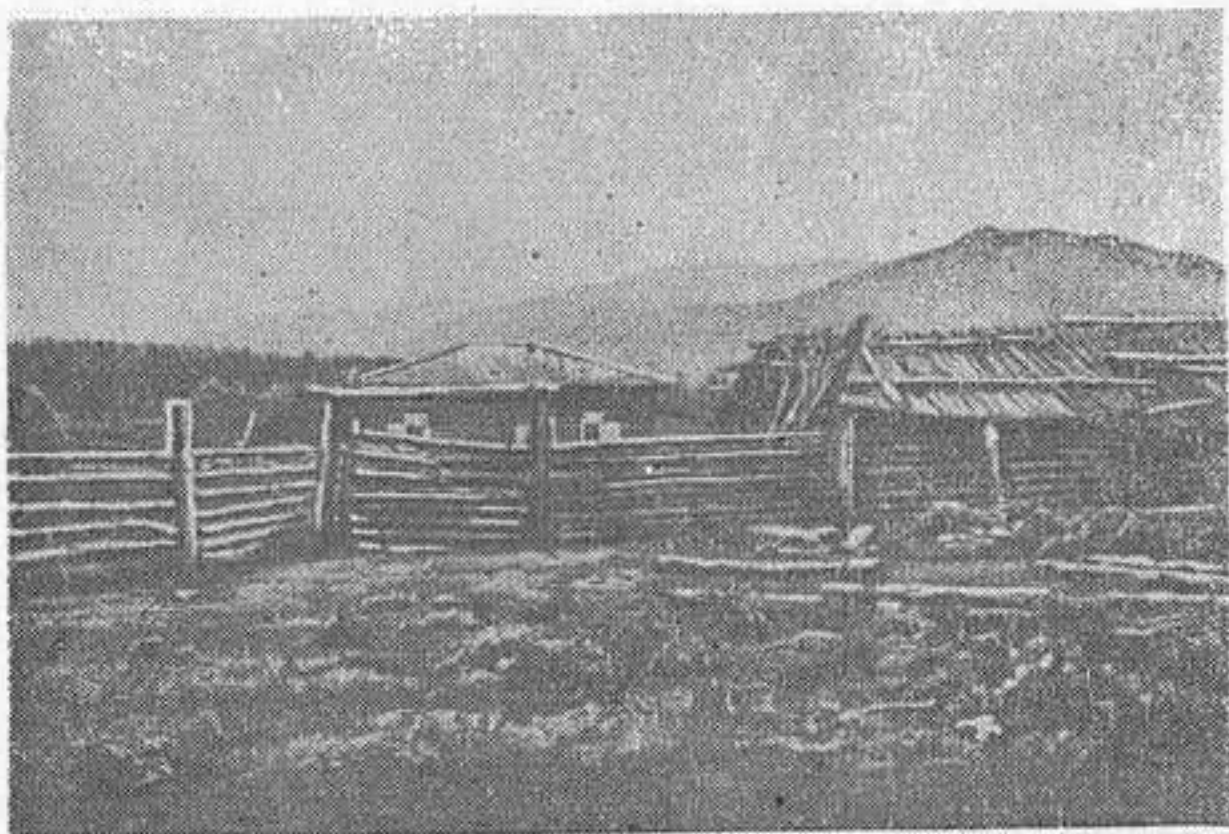
Обстрел красногвардейцев, между тем, продолжался. Убитые и раненые то-и-дело падали с высоты горы в Катунь. Обливаясь потом и задыхаясь, красногвардейцы, взбирались все выше и выше на гору, но ее каменная громада, словно насмехаясь над человеческими усилиями, уходила в бесконечную высь.

Наконец, одолели гору. Огляделись кругом и ужаснулись: из 253 бойцов, вышедших из Тюнгурса, остались в живых только 102.

Красногвардейцы поняли, что их заманили в западню.

Впоследствии выяснилось, что эту западню устроил красногвардейцам эсер Казарцев. Узнав, что красногвардейцы приближаются, он вышел к ним навстречу с затаенной целью вовлечь их в Тюнгур, а среди населения, которое почти сплошь состояло из кержаков, он пустил слух, что красногвардейцы везут золото, взятое ими в барнаульском банке. Казарцев подговорил тюнгурских кулаков, чтобы они напали на красногвардейцев и уничтожили их.

Свои намерения Казарцев раскрыл Жебурилкину, когда они, отделившись от отряда, вдвоем поехали в Катанду, и предупредил Жебурилкина, что если он сообщит об этом отряду, то себя не спасет, но зато вместе с ним и сам погибнет.

Справа амбар, где П. Сухов провел последнюю ночь перед расстрелом. Слева—штаб белых

Жебурикин смалодушничал и предал отряд, с которым проделал столь длительный героический поход¹.

На вершине горы Байда оставшиеся в живых красногвардейцы стали, между тем, совещаться, что предпринять.

«Голодная смерть никому не улыбается, — сказал Сухов, — и вот решайте, товарищи: сдаться или умереть в бою с оружием в руках. Тех товарищей, которые не желают сдаться противнику, я приглашаю идти со мной: быть может нам посчастливится и удастся как-нибудь пробиться в Монголию. Тех же товарищей, которые решили сдаться врагу, я предупреждаю, что классовый враг жесток и беспощаден. Пощады от него не ждите. Лучше будет для вас, если вы, как истинные революционеры, борцы за пролетарское дело, мужественно встретите смерть в бою с оружием в руках... Впрочем, как хотите... Дело ваше!.. Теперь, товарищи, я вам уж не начальник. Прощайте!».

И, вскинув винтовку на плечо, Сухов начал спускаться вниз под гору.

Вслед за ним бросились 15 красногвардейцев.

Оставшиеся на горе, измученные голодом и холодом, начали один по одному спускаться в деревню.

Оказалось, что у подножья горы стояли заставы и караулы.

Кержаки и казаки ловили изголодавшихся, измученных и истомленных красногвардейцев, раздевали их донага и нещадно избивали, а затем передавали начальству для окончательной расправы.

Схвачен был и Сухов.

II. Расправа

10 августа прибыл в Тюнгур штаб белых. Казаки выгнали кержаков за деревню, дабы они присутствовали на суде над красногвардейцами. Там же на лужайке выстроили красногвардейцев в две шеренги. Раздалась команда «Смирно!» и в сопровождении адъютанта подскакал полковник Волков.

Из оперативных сводок ему хорошо было известно, что стоявшие перед ним пленные неоднократно громили белогвардейские отряды. В бою под Тележихой, где он сам руководил боем, красногвардейцы нанесли тяжелую потерю и его отряду.

И вот теперь раздетые почти донага и обезоруженные, они стоят перед ним. Выхватив из лакового кабура револьвер, полковник дал выстрел над головами пленных и в бешенстве закричал: «На колени, мерзавцы!».

Но пленные и не подумали даже стать на колени.

Полковник этого не ожидал.

«Ах, так вот вы как...», — пробормотал он в гневе. — «А ну-ка, вахмистр, проучи эту сволочь».

Вахмистр, у которого красногвардейцы во время проезда через станицу мобилизовали лошадей и для придания им кавалерийского вида обрезали хвосты, сам горел желанием проучить пленных. Он отдал полагающуюся команду казакам, которые с

¹ В 1924 г. Жебурикин был опознан в Барнауле и казнен.

гиканием и свистом врезались в толпу пленных и начали избивать их плетью. От своих подчиненных не отстал и сам вахмистр.

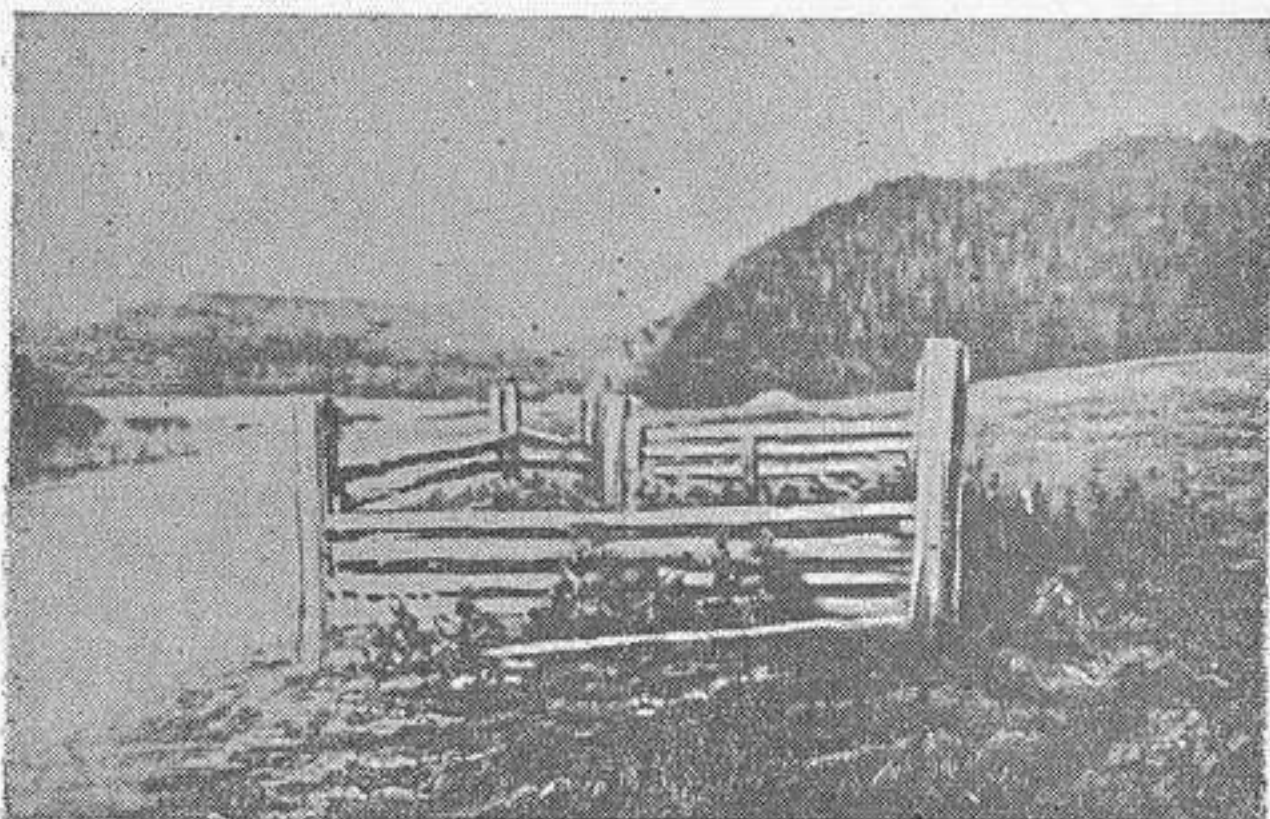
Обезумевшие от боли красногвардейцы бросались в стороны и хватили за поводья лошадей, но взбесившиеся от криков и ударов лошади с храпом и фырканьем насакивали на красногвардейцев, сшибали их с ног и подминали под копыта.

Вид истерзанных красногвардейцев был ужасен.

Удовлетворенный расправой полковник приказал снова выстроить красногвардейцев и обратился к ним с речью.

«Я знаю, — сказал он, — что многие из вас попали в отряд только благодаря своему невежеству и глупости... Таких из вас, если они чистосердечно раскаются в своих преступлениях перед народом, я помилую. Упорствующих же и ваших вожаков прикажу расстрелять... Итак, подходите сюда один по одному, — показал он пальцем впереди головы жеребца, — и кайтесь, прохвосты».

«Сам ты прохвост», — гневно выкрикнул кто-то из толпы.

Братская могила красногвардейцев, убитых у дер. Тюнгур

Среди красногвардейцев не нашлось ни одного, который попросил бы пощады.

Отдав приказ расстрелять всех пленных, полковник поспешно ускакал в деревню.

Красногвардейцев разбили на десятки и по очереди расстреливали.

Залп гремел за залпом. Окровавленные красногвардейцы падали на землю. Тех из них, которые проявляли признаки жизни, казаки рубили шашками.

Сухов был расстрелян последним.

Захватив Сухова в плен и узнав, что он был командиром этого героического красногвардейского отряда, добровольцы-офицеры решили порядком поиздеваться над ним. Они предложили Сухову заклеить позором всех участников его отряда и в особенности большевиков, за что обещали ему помилование.

«Я боец революции, а не изменник пролетариата и партии, — гордо ответил им Сухов, — жизнь моя в ваших руках, но помните, что скоро настанет и для вас час расплаты».

Взбешенный «дерзким» ответом Сухова, эсер поручик Любимцев приказал выпороть Сухова. Добровольцы-офицеры так «постарались», что после порки Сухов не мог держаться на ногах — казакам пришлось вести его под руки к месту расстрела.

Перед расстрелом Сухов разорвал на себе ворот рубахи, обнажил грудь и крикнул конвою:

«Вы, казачье, сейчас расстреляете меня, как расстреляли моих товарищей, но вы не можете, подлые убийцы, расстрелять весь рабочий класс и уничтожить ту идею, за которую я умираю».

Сухов закашлялся, харкнул кровью и затем крикнул:

— «Стреляйте, гады!».

Грянул залп... И Сухова не стало.

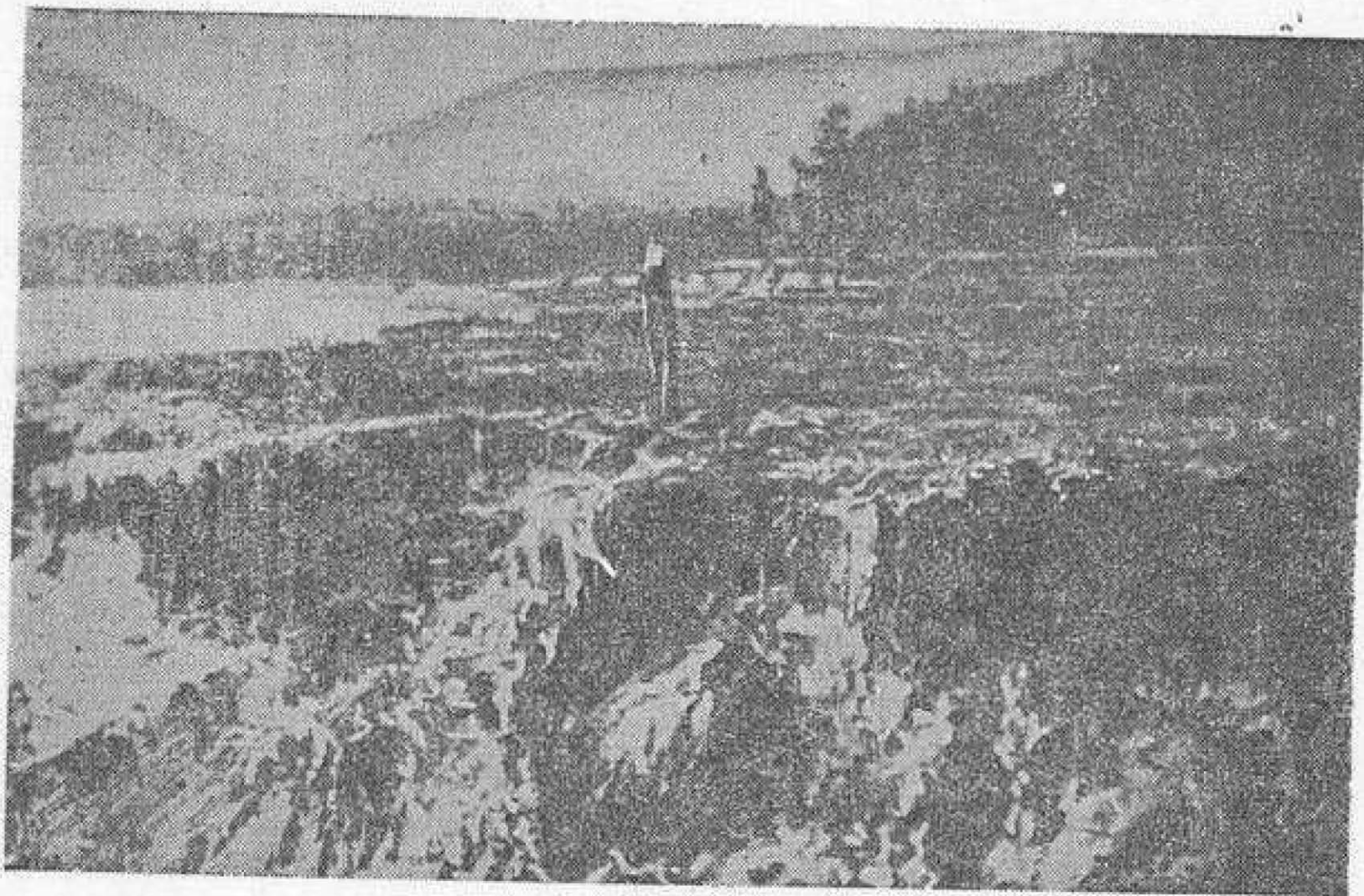
**

Тяжел и мучителен был тысячеверстный путь от раз'езда Иня до деревушки Тюнгур, пройденный красногвардейским отрядом, которым командовал храбро сражавшийся, уверенно руководивший и геройски погибший большевик Петр Сухов. Правда, в его отряде находились и такие, которые смалодушничили и ушли сейчас же после первых неудач.

Большая же часть отряда проявляла изумительную храбрость, поразительную стойкость и примерную большевистскую выдержанность.

Все эти храбрецы пали в борьбе за советскую власть: кто в боях с вооруженной белогвардейщиной, кто в стычках и столкновениях с кулаками, кто был захвачен живым и расстрелян как большевик, не желающий признать другой власти, кроме власти советов.

Пусть же сохранится память об этом примерном красногвардейском отряде и его вожде — командире Петре Федоровиче Сухове.

Могилы Петра Сухова

Из воспоминаний участников отряда П. Сухова

I. Расстрел раненых красногвардейцев

(Из воспоминаний т. И. С. Кочеткова, санитаря отряда Петра Сухова).

Раненые в деревне Тележихе помещались в четырех домах...

Часов около 11 ночи я вышел на улицу и пошел в штаб, но в штабе уже никого не было. Защемило сердце, и в душе стало тоскливо.

В селе была жуткая тишина, только кое-где изредка раздавался ружейный выстрел. Ну, думаю, будь что будет. Ведь, на фронте империалистической войны санитаров, когда их брали в плен, не трогали.

С ранеными, кроме меня, остались в деревне: заведующий санитарным отрядом Усик, фельдшер Елистратов, старший санитар Солнцев и сестры Дерябина, Федянина, Обухова и Красилова. На нашем попечении оставлено 27 человек раненых и больных. Сидим и рассуждаем, что именно белые сделают со всеми нами, наверное отправят с лазаретом в Сибирячиху, где была больница.

Разразилась гроза. Ударил гром. С гор с шумом потекли потоки воды. Снова стало тихо. Клонило ко сну, и мы легли спать. Утром я зашел к раненым и сделал перевязку товарищу, у которого загноилась рана на ноге.

По уходе нашего отряда белым, должно быть, из боязни неожиданно нарваться на сюрприз с нашей стороны, долго не занимали деревни. Делать было нечего, и я вышел во двор. Смотрю: на горе беляки ходят с белыми флагами, а с улицы мужики им тоже машут белым флагом. Увидев меня во дворе, мужики окружили меня и с усмешкой сказали: «Что, брат, попался».

Я не знал, что им ответить.

И. Кочетков

«Ну, что же, говорю, попался».

На душе стало еще тоскливее. Не зная, куда деваться, я пошел к аптеке.

Смотрю: едут шесть казаков на лошадях. Прятаться было бесполезно. Я пошел им навстречу.

Когда отряд сравнялся со мной, я заметил среди казаков офицера.

— Кто такой? — спросил офицер.

Я ответил: «Санитар Красной гвардии».

— Вы теперь все понадевали повязки, — проворчал офицер и, обратившись к казакам, приказал: «Обыщите его».

Казаки раздели и разули меня, но ничего не нашли.

После обыска офицер приказал отвести меня в каталажку.

В доме, где была каталажка, уже сидели фельдшера Елистратов и Ильин, которых мы взяли в плен в одном из боев с белыми. Вместе с ними сидели другие пленные: капитан Лютиков и штабс-капитан Наркевич. Они остались сидеть на дворе, а нас заперли в каталажку, где уже сидело шесть красногвардейцев. Вскоре в каталажку привели еще семь красногвардейцев, а потом еще и еще, пока не набили полную каталажку.

Вдруг в сенях послышался шум. Это вошел казацкий офицер, хорунжий Сергеев с целой сворой казаков. По его приказанию отворили каталажку.

— Мадьяры есть? — спросил он.

— Нет, — ответили ему.

Я и Усик стояли впереди открытых дверей и поэтому сразу же попали ему на глаза. Увидев у нас на руке красные повязки с белым крестом, он заорал: «Это что еще за фельдшера». Потом схватил меня за руку и так сильно рванул, что я вылетел из каталажки. Затем он подскочил ко мне и дал такой подзатыльник, что я не удержался на ногах и упал на колени.

— За что вы меня бьете?! — крикнул я и хотел было встать, но зверюга офицер так трахнул меня снова по затылку, что я опять упал и света не взвидел.

«Молчи, сукин сын! Продали Россию. Застрелю сукиного сына. Документы есть?» — неистово орал офицер.

Отлупив меня, как сидорову козу, офицер сказал: «Ну, чорт с тобой, я тебя, как солдата империалистической войны, стрелять не буду, пускай с тобой разделается штаб».

Посмотрел, посмотрел на меня, затем снова подскочил и как даст мне подзатыльник... я еле на ногах удержался.

Приказав запереть меня в каталажку, офицер ушел.

Сидим и вздыхаем. Смотрим: казаки гонят раненых. Все тяжело раненые. Кто скачет, кто идет, опираясь на палку, с трудом переставляя ноги, а кто и просто ползет по грязи. Такого издевательства я в жизни своей еще не видал. Раненых привели на оборню. Сюда же из села Бащелака приехал и поп.

Скоро вынесли приговор: всех к расстрелу. Раздалась команда «выходи». Но никто самовольно не выходил, тогда вывели силком семь красногвардейцев. Отвели их на горку перед оборней. Через пять минут послышались выстрелы.

Минут через двадцать вывели сестер. Также повели на горку, где и расстреляли.

Потом вывели и расстреляли еще шесть человек.

Я и раненые смотрим и страшно волнуемся: «Должно быть и нас расстреляют». Наконец, я набрался храбрости, подошел к старшему казаку и спрашиваю: «А как же с нами поступят? Нас поручик Сергеев приказал отвести в штаб, а сам уехал»...

— Ну, ладно, — ответил казак — я отвезу вас в штаб.

Я испугался и спросил: — Туда, на горку?

— Нет! — усмехнулся казак.

Нарядил пять подвод. На четыре подводы посадили раненых и нас — «медицину». Когда нас забирали со сборни, то кто-то сказал, что в каталажке остался еще один красногвардеец. Он уснул в темном уголке каталажки и остался нерасстрелянным. Казаки и его посадили с нами на тележку и повезли в штаб под конвоем двух казаков. Мы ехали на последней телеге сзади. Лошадь захромала, и мы отстали.

От'ехав версты две от деревни, мы увидели, как группа казаков расстреливает раненых, несмотря на их отчаянные вопли и крики.

Товарищей расстреляли, а нас — «медицину» — повезли в штаб отряда.

2. Как мне удалось спастись от расстрела

(Воспоминания И. И. Долгих, командира роты и члена штаба красногвардейского отряда Петра Сухова).

В Катанде нас очень радушно встретило население. Здесь мы узнали, что за два дня до нашего прихода крестьяне обезоружили отряд капитана Сатунина. Это сообщение еще более закрепило наше доверие к крестьянам деревни Катанды.

Простояв день в Катанде, мы запаслись сухарями, после чего двинулись дальше на Тюнгур, имея намерение переправиться через реку Катунь, а потом через Аргут и двинуться в Монголию.

В трех верстах от Аккема, когда отряд растянулся в очень узком проходе по-одному, на нас со всех сторон посыпался град пуль. Тут только мы нашли объяснение тому чрезмерно предупредительному отношению, которое оказали нам кержаки, и тут только мы поняли, почему это им так хотелось вести нас именно по этой дороге: здесь у них заранее были везде выставлены засады.

Сжатый со всех сторон отряд расстреливали на выбор. Отступать было некуда: справа внизу, на глубине 80 сажен, шумела Катунь, слева высились скалы.

Иван Долгих

На протяжении полуверсты большая половина отряда была убита. О сопротивлении и думать не приходится, так как противника не видно.

Остатки отряда казаки вылавливали поодиночке в течение нескольких дней.

На четвертые сутки, доведенные до отчаяния, сдались 50 красногвардейцев, да кроме того казаки поймали 20 человек. В числе пойманных был и товарищ Сухов. Их всех полковник Волков велел расстрелять.

Отбившись с четырьмя товарищами от остальных, я семь суток бродил по горам. Питались орехами и ягодами.

После целого ряда мытарств нас поймала тунгурская самоохрaна и привела в Тунгур. Самоохранники сказали нам, что только вчера здесь расстреляли всех наших.

На вопрос «что будет с нами?», один из них сказал, что это зависит от начальника штаба, который находится в Тюнгу́ре.

Когда нас привели к начальнику штаба, он задал нам вопросы: «Кто мы такие, откуда, как попали сюда и т. д.». Спрашивал, главным образом, о золоте, которое мы будто бы везли из Барнаула.

После опроса нас посадили в амбар, где мы просидели 6 часов, а потом вывели и стали заряжать винтовки.

Я подумал, что нас поведут расстреливать, но, как оказалось, нас повели в Катанду, где снова посадили в волостную каталажку.

Кроме нас, там сидело еще трое мадьяр. В каталажке нас продержали двое суток, а на третьи вывели оттуда и заявили: «поведем вас в Бийскую тюрьму».

От сторожа волости мы узнали, что в Катанде вчера расстреляли семь последних сидевших в каталажке красногвардейцев, а восьмого некоего Попова освободили. Попов был арестован нашим штабом еще в селе Башелаке за то, что он избил председателя и разогнал всех из волости.

Не успели мы кончить разговор со сторожем, как пришел и сам Попов, который был у меня в отряде. В частной жизни мы с ним были дружны. Арест помог ему выдать себя белым за нашего пленного, и белые его освободили. Кроме того, в отряде белых оказался родственник Попова, поручик Эдельштейн, который хотя и знал, что Попов красногвардеец, но скрыл это от белых. В довершение всего указанного эсер Жебурикин также подтвердил, что Попов был у нас пленным. Благодаря такому стечению обстоятельств, Попову и удалось остаться живым.

Попов понял, в каком опасном положении я находился, и уговорил двух человек, вполне благонадежных с белогвардейской точки зрения, — волостного писаря Гомзина (эсера) и волостного сторожа Архивова — взять меня на поруки, как слесаря, знакомого с ремонтом сельскохозяйственных машин. В это время убирали хлеб. Нужда в таких специалистах была огромная.

Мои поручители обратились к начальнику штаба, и тот после их настойчивых просьб выдал им меня на поруки.

Остальных моих трех товарищей и трех мадьяр «погнали в

Бийск». На самом же деле их расстреляли в селе Абае, в 60 верстах от Катанды.

Пробыв месяц под постоянной угрозой быть расстрелянным, я в сентябре выехал из Катанды в Бийск под предлогом заправки в городе запасных частей к машинам. В дороге я сбежал и после многих мытарств кое-как добрался до Барнаула, где скрывался несколько месяцев, а потом попал в тюрьму.

Из тюрьмы мне удалось бежать, и я поступил в партизанский отряд, в рядах которого и сражался с беляками до прихода Красной армии.

Исток р. Катунь и вид на Белуху из дер. Тюнгур.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
1) Предисловие	3
2) В. Вегман—Сибирская Красная гвардия	5
3) Ю. Циркунов—Отряд Петра Сухова	18
4) Из воспоминаний участников отряда П. Сухова.	43
а) И. Кочетков—Расстрел раненых красногвардейцев	43
б) И. Долгих—Как мне удалось спастись от расстрела	45

Отв. редактор А. Никулькова

Сдано в набор 29/XII-33 г.
Техредактор П. З. Белоус
Партиздат № 173
Формат 62X94 см.
Заказ № 8786.

Подписано к печати 9/II-34 г.
Уполкрайлита № 4369 от 29/XII-33 г.
Объем 3 печ. листа.
Печатных зн. в одном печ. листе 51728
Тираж 20000.